

Георгий
ПАНКРАТОВ

ЧУВСТВО РОХЛИ

Повесть

Парень вынул из уха наушник – гремела какая-то тяжёлая музыка – и переспросил:

– Что? Не слышу.

Мрачноватый охранник в чёрном пиджаке крепко пожал ему руку и произнёс почти безэмоционально:

– Я понял, кого ты мне напоминаешь. Почтальона.

– Ну так да, – ответил парень, глядя ему в глаза. – Я ж из Ленинграда. Слыхал: это он, это он – ленинградский почтальон.

Вид парня был несколько странноват: одет в потрепанное старое пальто, через плечо болтается тряпичная сумка-планшетка, лицо помятое, волосы взъерошены – по всему видно, что позади бурная и бессонная ночь. Но это был обычный парень, молодой рабочий магазина бытовой химии и товаров для дома, грузчик, комплектовщик, а иногда даже кладовщик и по совместительству продавец-консультант. Мрачноватому охраннику он не стал говорить, что тот напоминает ему бандита, хотя эта мысль вертелась в голове. Тот уже вышел на улицу и закуривал, собирался встречать сотрудников и призывать к терпению первых посетителей. Магазин открывался через двадцать минут. Девочкам охранник не нравился, потому что никому не улыбался, а вот парню, похожему на почтальона, нравился, может, именно поэтому. Он тоже считал: чего улыбаться без толку. Когда улыбаться-то не хочется.

С утра была примерно такая ситуация. Впереди предстоял беспросветный день: по опыту знал, что энергии хватит часа на два, а вот потом... Разве... придёт Вован и кое-чего отсыплет. Молодой рабочий поздравил себя с первой оптимистичной мыслью за день. «Только бы Вован сегодня работал», – догнала её мысль вторая.

Магазин был пуст, а вот на складе уже зарождалась жизнь. Не кипела, конечно, а медленно так покуривала, попивала утренний кофе. Он прошёл через склад к лестнице, возле которой на стульчиках и скамеечках сидели сонные работники, которым предстояло заступить на утреннюю смену.

– Привет, Андрей, – крикнул, не вставая с места, лысый худой парень в синей футболке.

– А вы чего дверь-то не открываете? – проворчал Андрей, пожимая ему руку и кивками головы приветствуя остальных. Возле двери сидела миниатюрная девушка и заторможенно подносила сигарету к губам, затягивалась и кашляла. Услышав вопрос, она подняла глаза на Андрея.

– Маш, ну подвинься, а? – попросил Андрей. – Дверь хоть открою.

– Дождь там идёт, не надо, – лениво ответила Маша.

– Да какой дождь, ну чё ты! Я только с улицы, будешь мне впаривать. Мужу своему впаривай лучше, что ты не куришь.

ПАНКРАТОВ Георгий родился в Санкт-Петербурге в 1984 году. Публиковался в журналах «Урал», «Нева», «Север», «Сибирские огни», «Нижний Новгород», «Кольцо А», «Пролог». Финалист премии «Дебют» (2014). Автор книги «Письма в квартал Капучино» (М.: Рипол, 2016). Живёт в Москве и Севастополе.

Он протянул руку к двери, чтобы открыть, но Маша оттолкнула её, смеясь:

– Слышь, умный какой. Нет у меня мужа, не знаешь, что ли?

– Нет и не будет. Куришь потому что, – брякнул Андрей. – Ладно, пойду я. Душно у вас, невозможно. Сидите, свой дым нюхайте.

– Сам же куришь...

– Ну, курю, и что?

Он развернулся и собрался было спускаться по лестнице, где находились ещё один, совсем небольшой склад и раздевалка для работников, как столкнулся лицом к лицу с девушкой, которая оттуда поднималась.

– Ой, Женька, – смутился он. – Привет!

– Привет, привет, – ответила девушка и прижалась к стенке, чтобы дать ему пройти. Она была высокой, черноволосой и зеленоглазой. Андрей на мгновение остановился, оглядывая её с ног до головы. Женька ему нравилась, она приехала к ним в Омск из далёкого Татарстана, какого-то совсем небольшого городка, и Андрей часто спрашивал её: «Там у вас все такие красивые?», а она смущённо отводила взгляд или, может – даже скорее всего – изображала смущение.

– Куда это ты такой красивый?

– На работу, – мрачно ответил Андрей. – На работу, как на праздник.

– Привет, Андрей, – послышалось из курилки нестройное пение Маши и Макса. – Ну где ты был, ну обними меня скорей.

– Совсем охренели, – пробормотал Андрей.

На первом этаже парень подошёл к единственному окну и всмотрелся: во внутреннем двореке грузовых машин не было, и это предвещало относительно спокойный день. Приём поставок достался другой смене, облегчённо вздохнул он. Потому что если бы это было не так, у ворот нижнего склада уже стояла бы фура. Часа полтора потребовалось бы потратить на её разгрузку и ещё полдня – на приемку товара, его сортировку и отправку на верхний склад и в сам торговый зал. Сидеть в курилке возле лестницы было бы некогда.

Правда, говорило это и о том, что на складе заканчивается товар. А значит, предстояло долго и терпеливо объяснять покупателям, что «извините, придётся зайти в другой день» и «мы будем вас очень ждать». Функции консультанта Андрей ненавидел в своей работе больше всего.

В раздевалке было тихо. Открыв дверь, он увидел, как полноватый Мишка прячет в свой

ящик бутылку пива (вдруг кто из начальства зашёл?), а рядом сидит, как ни в чём не бывало, переодевает носки усатый охранник Олег.

– Здорово, Андрюшенька, – улыбнулся он и протянул руку. – Как оно?

Олег был мужчиной под сорок, производящим впечатление вечно усталого, замученного человека. Однако при этом он старался всеми силами сохранять оптимизм и очень много улыбался, являя собой противоположность второму охраннику, предпочитавшему чёрный пиджак даже в жару. Того звали Вадим, кстати.

– Дай глотнуть пивка-то, – обратился Андрей к Мишке, спешно пожимая руку охраннику.

– А чё такое? – хитро прищурился Мишка. – На работе пьём?

– Беда, – произнёс Андрей, представляя, как ухудшится его состояние через каких-то пару часов. – Сегодня Вован будет?

– Что тебе Вован? – нарочно громко и как будто возмущённо произнёс охранник. – Вован у меня вчера штуку занял, а сегодня пропал вот.

– Да так всегда, – добавил Мишка, протягивая ему бутылку. – Если Вован берёт в долг, то завтра его не жди.

– Он в графике есть-то? – пробормотал Андрей, прикладываясь к бутылке и делая несколько смачных глотков.

– Да он, знаешь, где видел твой график, – махнул рукой Мишка. – Э, ну ты хорош вообще. Пива-то оставь.

– Спасибо, – с неподдельной благодарностью сказал Андрей. – Сегодня идти придётся.

– Идти... Было бы время идти. Сегодня под пятьдесят заказов, до ночи работать будем. И минус один человек в смене. Когда идти-то?

– А куда вы идти собрались? – неожиданно раздался голос, и парни повернулись к двери. Старший смены Санёк уже снимал рюкзак и жал руку Олегу. – Ну, готов слушать ваши объяснения, – он присмотрелся к Андрею и громко выругался: – Твою мать! А ты что, бухой, что ли?

– Я-то бухой? – смутился Андрей. – Ну нет, какой там... Я же просто... Это... Не спал ночью.

– Не спал и бухал, да? – допрашивал Санёк.

– Ну, бухал, да.

– Ты выглядишь конкретно хреново, – Санёк покачал головой. – Как труп просто.

– Вывернуло наизнанку, пока шёл. Возле кофемашинки как раз. Думал, еле дойду. Но ничего, легче стало, – разоткровенничался Андрей.

– Ну ты красавчик, чё я могу сказать. И чё мне с тобой делать? Сегодня заказов будет – хоть вешайся. В зал тебя нельзя, начальство увидит – всей смене капец. Тебе вообще надо спрятаться, понял?

– Ну так, это... – рассмеялся Андрей, – я б с радостью.

– С радостью он, – передразнил Санёк. – А работать кто будет? Парни вон над заказами убиваться будут.

– Да я могу чего угодно делать. Могу заказы, могу здесь внизу, на отгрузке. Что надо, то и могу.

– На кассе можешь? – усмехнулся старший смены.

– Да ну тебя на хрен.

– Ладно, – засмеялся Санёк. – Ей-богу, уж лучше б траву курил, как все нормальные люди.

– В следующий раз так и сделаю, – вставил Андрей.

Мишка громко рассмеялся, давая понять: мол, он тоже в теме.

– Я тебе сделаю, – проворчал Санёк. – В общем, так. Есть у меня для тебя одно дело, только оно слишком деликатное.

– Какое? – Андрей уже переоделся в рабочую форму: синие штаны и жёлтую футболку, проверил наличие в кармане ножа и стоял, покачиваясь, возле шкафчика.

– Надо к Маринке в кабинет. У неё, знаешь, это, – Санёк приблизился к Андрею и сбавил голос, собираясь сообщить что-то доверительное, – давно не было. Устала, говорит, без мужика.

Андрей понял, что предстоит выслушать очередную дурацкую шутку, прежде чем он узнает своё задание. Шутки Санька не любил, потому ответил не задумываясь, лишь бы ответить:

– Тебе сказала?

Марина была полноватой женщиной немного за сорок, у неё единственной, кроме управляющего магазином, был свой кабинет. Впрочем, кабинетом это назвать сложно – так, каморка, по размеру даже курилка возле лестницы была просторней этого кабинета.

– Ну мне, а кому же ещё? – раздражённо ответил Санёк. – А я-то чего? Говорю: «Я человек женатый». «Подгони мне тогда, – говорит, – кого из парней». «Хорошо, – говорю, – есть у меня один такой – Андрюха. Сейчас приглашу». Тут он громко и надолго засмеялся. Мишка, ухмыльнувшись, вышел из раздевалки, куда-то подевался и Олег, охранник. Они остались вдвоём. – Иди, очаруй её своим перегаром.

– Ладно, – мрачно сказал Андрей. – Чего делать-то?

– Что делать, что делать, – повторил старший смены. – В общем, новенький сегодня придёт. Парень он такой, хрен знает, где работал, непонятно, что за тип. Но начальству виднее. Будешь ему объяснять, что и как у нас здесь, продукцию вон покажешь, на складе что как объяснишь. Ходи с ним и контролируй, а если чего непонятно – рассказывай. Главное, в зал не высывайся, если он туда пойдёт, то ты с ним не ходи. Всё понял?

Не успел Андрей что-то ответить – а расклад вырисовывался, в принципе, неплохой, оставалось только вести себя грамотно и не спалиться, под шумок даже можно было сходить за пивом, ну или новенького отправить – как в раздевалку вошёл рыжий парень в спортивном костюме и громко, прямо с порога, заявил:

– Здорово!

– Здорово, коль не шутишь, – откликнулся Санёк. – Это Серёга, наш новенький, – обратился он к Андрею. – А это Андрюха, будет сегодня твоим наставником.

– Чего? – переспросил Серёга.

– Будет стихи тебе читать, – с серьёзным видом сказал Санёк. – Собственного сочинения.

– Да ну, какие стихи... – вяло отозвался Андрей.

– Ну а чем ты там по ночам занимаешься? – ответил старший смены. – Стихи читаешь. Сам же говорил.

– Читаю, да.

– Ну вот... Ладно, парни... Работы сегодня по горло. Так что буду счастлив, если сами во всем разберётесь.

– Разберёмся, – уверенно ответил Серёга. Дверь за Саньком захлопнулась. – Нормально у вас тут, – сказал он Андрею.

– Нормально, – отозвался тот. – Ты это... Переодевайся. Вон, в ящике в углу можешь форму взять. Любая там есть, на выбор.

Андрей зевнул. Хотелось спать, ну или по крайней мере просто сидеть, уставившись в потолок или стенку шкафчика, и ни о чём не думать. Тем более о том, что впереди рабочий день, полный уныния и тоски. Как было бы хорошо пойти сейчас на реку, сидеть в этот жаркий день на берегу и наблюдать за бликами на воде, может быть, читать журнал о футболе, может, слушать музыку и чувствовать себя свободным человеком. Он так и делал в дни, когда не было

смены и когда некуда пойти больше. Иногда он действительно сочинял стихи, Санёк был прав, но получалось это как-то само собой, и особо он это занятие не любил. Через какое-то время он будет умирать. Если не придёт Вован. Так и проведёт день с этим, рыжим. Даже Женьку не увидит – внизу она не работает и приходит сюда только переодеться.

– Ты где раньше работал? – спросил Андрей.

– Да нигде я не работал. Так, машины чинил, по мелочёвке... – ответил парень отстраненно.

– Ну, смотри, приходишь, отмечаешься наверху в журнале. Здесь, если опоздаешь минут на пять, ничего страшного не будет, в принципе. Но лучше не опаздывать. Управляющая у нас понимает, но пока не наглеют. Приходишь сюда, переодеваешься. В день поставки надо разгружать машину, она уже с утра стоит у двери. Поставка раза три в неделю. В конце месяца больше работы, в начале – меньше. Чего ещё, – Андрей задумался. – Продукции у нас много, запоминать её лучше не по названиям, а по артикулам. Как выучишь – сможешь заказы набирать. Заказы – это наверху, там всё по номерам. В накладной номер смотришь, запоминаешь – идёшь набираешь. Ну, что ещё? Заказов много. Сюда, вниз, приезжают за мелким оптом. Берёшь накладную, сверяешь позиции, товар отпускаешь. Ну, помогаешь им отгрузить, если просят. Могут тебе рублей двести сунуть, – мечтательно закончил Андрей.

Серёга, терпеливо ожидавший конца речи, наконец произнёс:

– Ну, а сейчас-то что делать?

Андрей, словно очнувшись, вскочил со стула и направился в сторону двери.

– Пойдём, – сказал он.

Они вошли в полупустой склад. В углу стояло несколько поддонов с аккуратно расставленными на них коробками. У всех коробок были свои номера, к некоторым старшие смены прикрепили листы учёта: столько-то позиций товара оставалось в магазине на вчерашний вечер, при этом на складе – столько-то. Андрей медленно прошёлся вдоль коробок, рассматривая листы и бормоча что-то под нос.

– Ну так что? – нетерпеливо спросил Серёга.

– Да отдыхал бы пока... – проворчал Андрей. – Парень работающий, блин.

Он зацепился ногой за кусок полиэтилена на полу, громко выругался, пнул его и отправился в сторону подъёмника. Это устройство, ненавиди-

мое всеми без исключения на складе, необходимо для того, чтобы поддоны, нагруженные доверху вновь прибывшей продукцией или складскими запасами, можно было транспортировать наверх, в распоряжение парней, которые работают на примагазинном складе – там продукция не задерживалась, она быстро расходилась или в торговый зал, или по заказам, которые комплектовали парни. Готовый заказ спускали также посредством подъёмника – грузчик, который работал внизу, принимал его, выкатывал и готовился отпускать мелкооптовому клиенту. В этой системе не было ничего сложного, за исключением одной неприятной особенности подъёмника. Расстояние, его с большой натяжкой можно назвать проёмом, а точнее дырой в стене, отведённое для того, чтобы поддон, гружённый коробками, загнать на подъёмник, было настолько маленьким, что некоторые, особо широкие, поддоны еле проезжали – совсем вплотную к стенкам, а ведь загнать такую тяжесть, с которой еле справлялись трое здоровых парней, было сложновато и без необходимости грамотно вписаться в проём. В общем, девочки-кассиры, которые, как и полагается им, верили в ауры и энергетику, вполне справедливо считали подъёмник самым негативным местом всего магазина – столько мата и проклятий в адрес самого подъёмника, его создателей, продукции, друг друга и начальства, как здесь, не звучало больше нигде. Правда, в те дни, когда не было поставок, подъёмник отдыхал. До тех пор, пока кто-то не подходил к нему внизу и не начинал кричать, как Андрей этим утром:

– Эй, парни! – кричал он в шахту подъёмника. На верхнем складе всегда играла бодрящая музыка, и голос из подъёмника часто не слышали. Орать приходилось сильнее. И дольше. – Твою мать, парни!

Наконец, кто-то услышал его вопли. Макс оторвался от сборки заказа и подошёл к подъёмнику.

– Ну чего там? Белая горячка? – Макс был вторым старшим смены, но в присутствии Санька исполнял роль простого грузчика, как остальные. Порой он «включал» старшего смены для устрашения, но получалось это не слишком убедительным: Максу никто не верил, правда, его уважали и всегда были готовы помочь, если тот о чём-то просил. В отличие от Санька, про которого говорили одно: выслуживается перед начальством.

– *За просто так, за просто так, За не за деньги, не за флаг* – громко раздалась песня.

Андрей пару секунд потратил на то, чтобы осознать это и вспомнить, кому принадлежит телефон, из которого играет такая музыка. Он обернулся и увидел Вована.

– Ну так чего там, оглохли, грузчики? – крикнул Макс.

– Сам грузчик, – откликнулся Вован, переключаясь на разговор по мобильнику.

– Чего вам поднять? – громко спросил Андрей.

– Эх, Андрюха, – Макс ощутимо оживился. – Подними мне настроение. Чего-то совсем хреновое. Десять утра, а уже всё достало.

– Ага, кто бы мне поднял, – сказал Андрей. – Ну, в общем, здесь всего понемножку. Флаконы, порошки, кондиционеры, чего там ещё. Ах да, пакеты. Ну, и шампуней полно.

– Какие пакеты? – Макс ненадолго задумался. – Ладно, поднимайте всё. У нас всё кончается.

– Э, – опять вклинился Вован, – да вы не оборзели там все? Мы чего вам, грузчики? Идите сами поднимайте. Козлы, – впрочем, последнее он произнёс совершенно беззлобно.

– Мы – элита рабочего класса, – изображая нравоучительный тон, произнёс Макс. – Мы работаем с заказами.

– Ага, а мы, значит, в «андеграунде», гробите спины, парни. Ну, скажи ему чего-нибудь, – он толкнул Андрея. Тот развёл руками.

Андеграундом Вован называл склад на первом этаже, где работал чуть ли не с первого дня. Впрочем, слово имело для него особенное значение – андеграундом можно назвать весь образ жизни Вована: он ходил постоянно в тёмных очках, футболке с изображением грибов и разных непонятных символов и слушал музыку, которую никто на складе больше не слушал. «Андеграунд», на который Вован постоянно ворчал, был его стихией, и, ругаясь, скандаля со старшими смены, он совершенно не хотел его покидать. Андрей понял с первого дня своей работы здесь, что все стенания Вована по поводу андеграунда походили на просьбу сказочного персонажа Братца Кролика «только не бросать его в терновый куст», и, когда Вован снова заводил свою песню, никак не реагировал. Так уж получилось, что Андрею тоже нравился «андеграунд» – своим одиночеством, спокойствием, размеренностью: знай себе встречай лю-

дей, проверяй заказы и выкатывай поддоны на улицу – пусть за двенадцать часов рабочего дня это и утомляло, конечно. А захотел пообщаться с пацанами или увидеть Женьку – всегда можно пойти наверх. Если есть время, конечно. Беспокойный и энергичный Вован, как ни странно, находил в «андеграунде» прямо противоположное: «Здесь движуха, – объяснял он свою позицию. – А там гниляк».

– Ты, Вован, вообще бы молчал. Ты всегда опаздываешь, потому ты всегда и в андеграунде. Хоть бы раз пришёл вовремя.

Вован махнул рукой, передразнил Макса и повернулся к Андрею.

– И всё-таки ты лох, – не успокаивался Вован.

– А ты бык, – мрачно ответил Андрей.

– Ну а ты лох, – хохотал Вован.

– А ты бык, понял? – повторил Андрей.

– Ну, бык – это, знаешь, не так уж плохо. В ситуации с лохом.

– Ну а чё ты тоже? Парни работают. Сегодня заказов по горло.

– Да чё они там, совсем оборзели? – взорвался Вован. – Прислали бы нам ещё одного.

– А у нас есть ещё один, – устало ответил Андрей. Он стремительно трезвел, и ему становилось дурно.

Вован оглядел склад и увидел Серёгу. Тот неприметно стоял возле дверей и наблюдал за происходящим.

– Опа! – воскликнул Вован. – А кто это?

– Это наш новенький, Серёга его зовут, – сказал Андрей.

Серёга подошёл и протянул Вовану руку.

– Вован, – ответил тот. – Ты на это всё не смотри, Серёга. У нас нормально тут, – он повернулся к Андрею. – Я ща переоденусь, и бегом... А вы пока это... Подкатите тут.

Андрей показал Серёге на ближайший к ним поддон, гружённый коробками со стиральным порошком:

– Начнём с этого. Всё равно всё тащить.

Серёга замялся:

– А это как?

Андрей пригляделся к Серёге и только сейчас понял, что перед ним – совсем молодой парень. Самому Андрею было двадцать пять, и он, как и Вован, считался самым молодым в магазине, многим было за тридцатник, а консультанту зала Валере – так и вовсе под шестьдесят, но тот, конечно, был исключением. Во всех смыс-

лах. Даже девочки с касс были старше двадцати пяти, ну, в большинстве своём, а Женьке, которая ему так нравилась, было и вовсе тридцать восемь.

Серёга же выглядел на двадцать, и у Андрея возникло подозрение, что истинный его возраст ещё меньше. Парень не знал, что нужно сделать с поддоном, как затащить его на подъёмник. «Эх, — тяжело подумал Андрей. — Я даже тебе завидую. Хотел бы я тоже всего этого никогда не знать».

— Ну вот смотри. Это «рохля».

Механическое устройство, на которое показал Андрей, знакомо любому грузчику. Оно присутствует на любых складах и во всех магазинах, потому что без него работа грузчика была бы невозможна. Официально оно называется то ли гидравлическая тележка, то ли как-то ещё — в общем, работники о таких вопросах не задумывались.

— Видишь, написано: «Рохля», — сказал Андрей.

Серёга кивнул и прочитал вслух: «Rocla». Это было название одной из фирм, которая специализировалась на таких устройствах. Она и дала название всем, как это часто бывает.

— Ну, рохля же, — попыток Андрей.

— Ну да, — засмеялся Серёга.

— Вообще это подъёмник какой-то там, — продолжил Андрей.

«Рохля» представляла собой две длинные «лапы» на колесах — они въезжали в поддон, цепляли его, резко поднимая и опуская «качалку», грузчик совершал действие, казавшееся невозможным, — отрывал тяжеленный груженный поддон от земли. Теперь его можно было катить куда угодно.

— Вот так берёшь, — Андрей разогнулся и с размаху вогнал «рохлю» в поддон.

«Накачав» её, он позвал Серёгу:

— Давай вдвоём, главное — оторвать.

Парень ухватился за «качалку» — в спокойном состоянии она выполняла функции тягача: держась за неё, кряхтя и охая, грузчики всё-таки заставили поддон с порошками сдвинуться с места.

— Теперь я сам, — выдохнул Андрей и покати поддон в сторону подъёмника. Для того чтобы загнать поддон на подъёмник, требовалось развернуть его: как назло, пол перед подъёмником был весь раздолбан, колеса «рохли» застревали в нём, поэтому для того чтобы «проскочить» все ямы, нужно было придать тяжёлой машине приличную скорость. Затакивали поддон обычно

втроём: один из всех сил давит на «качалку», и ещё двое толкают поддон справа и слева. Что плохо — закрывают при этом обзор. Попасть груженным поддоном в проём удавалось не сразу — порой и после десяти неудачных попыток, при этом нужно было беречь продукцию — от неудачной притирки коробок к стене или удара на большой скорости в угол компания могла понести существенные убытки. А что такое компания? Это в первую очередь рабочие. Сотрудники — высшая корпоративная ценность.

— Ну давай, твою мать, — Андрей силился развернуть поддон, это у него получалось, но медленно. Серёга уперся руками в коробки и из всех сил давил на них. — Раз, два, три! Поехали! — Вована решили не ждать.

И зря. Поддон с треском и шумом врезался в стену — для того чтобы вписаться в проём, не хватило буквально нескольких миллиметров. Но чуть-чуть не считается, как говорят все рабочие. Серёга громко выругался.

— Дайте сюда, парни, — раздался голос сзади. Они обернулись и увидели Вована. Он стоял с сигаретой в зубах, улыбался, переодетый в рабочую форму — синий комбинезон и синюю же футболку с логотипом компании. Вован схватил «рохлю» и потянул палет (так назывался поддон, груженный продукцией) за собой, на ходу разворачивая его.

— Смотри, как надо, — крикнул он Серёге. — Ничего, привыкнешь. У нас тут так... — Вован не договорил как, потому что уже начал движение вперёд, и ему потребовалась помощь. — Ну, чего стоим?

Парни налегли на палет, и послышался желанный грохот колёс о металлический лист подъёмника.

— Вошло идеально, парни, — засмеялся Вован, вытаскивая «рохлю» из поддона. — Так вот надо в дырки попадать.

Он присмотрелся к проёму и покачал головой:

— Да, ребзя, скоро вы разнесёте здесь всё, аккуратней же надо, — он обернулся к Андрею. — «Рохлю» же надо чувствовать, не просто толкать её. Она как продолжение тебя должна быть, как твоя рука, — он засмеялся над собственными словами. — Не, ну, может, не так, конечно, это на фиг надо, но всё равно... Нет у тебя, Андрюха, чувства «рохли», — попыток он.

Андрюха сплюнул себе под ноги: по правде говоря, ему было наплевать, есть у него чувство

«рохли» или нет его. Ему становилось элементарно плохо, и Вован был, пожалуй, единственным человеком, который сейчас мог поправить его состояние, о чём он и собирался попросить его. Но только открыл рот, как услышал за спиной громкий неприятный смех. Конечно, это был Санёк, старший смены, никто его не раздражал здесь так, как он.

– Нет у тебя, Андрюха, чувства «рохли», – смеялся Санёк.

Он повторил фразу несколько раз подряд и при этом давился от смеха. Парни обернулись, и даже Вован с Серёгой смотрели на него с некоторым удивлением. Для Санька было в порядке вещей прогуливаться по складу, когда парни наверху вовсю работали, как они говорили, «зашивались», появляясь при этом в самых неожиданных местах. Например, в андеграунде Саньку было вовсе делать нечего, он никогда не отгружал заказы и мог спуститься сюда лишь для приёмки товара по накладным – но сейчас принимать было нечего – или от большого безделья. Отсмеявшись, Санёк махнул рукой и пошёл в сторону лестницы.

– Долбанутый, – беззлобно произнёс Вован и в упор посмотрел на Андрея: – А я знаю, что вы делали прошлой ночью. – И засмеялся.

– Да трындец, – машинально ответил Андрюха.

– Ладно, пойдём, – подмигнул Вован. – Серёга, подожди здесь. Скоро заказ спустят. Парни тебе сверху крикнут, возьмёшь «рохлю», выкаатишь с подъёмника. Если приедут клиенты – открой дверь. А мы ща подойдём.

Серёга кивнул головой. Вован зашёл в раздевалку, шепнул Андрею: «Стой у двери, мало ли, этот опять завалится» – и направился к своему шкафчику. Андрей чувствовал, как от самого предвкушения того, что сейчас произойдёт, ему становится легче, повышается настроение, улучшается самочувствие, организм наполняется какими-то резервными, аварийными силами, припрятанными в нём, наверное, как раз на такой случай.

– Десятка есть? – зашипел Вован.

Андрюха порылся в кармане и извлёк помятую банкноту:

– Сотня.

– Да какая разница? Крути!

Андрея не нужно было упрашивать, он скрутил сотенную купюру в трубочку и, аккуратно прикрыв дверь, в несколько быстрых шагов пе-

ресёк раздевалку, потирая руки, присел перед стулом, на котором красовалась аккуратная дорожка – полоска порошка бежевого цвета.

– Это не «фен»? – поморщился Андрюха.

– Сам ты «фен»! Нормальная омская «скорость»! Лютая! – заржал Вован.

– Ну, лютая так лютая, – как-то безразлично ответил Вован, приставил трубочку из сотни к началу дорожки и жадно втянул её носом. Во рту стало противно, на несколько секунд его настолько затошнило, что аж передёрнуло всё тело, Андрей открыл широко рот и сделал несколько глубоких вдохов. Впрочем, от спёртого, пропитавшегося запахом несвежих носков и потных человеческих тел воздуха раздевалки не становилось легче.

– А у тебя СПИД, и значит, мы умрем, – громко зазвонил телефон Вована, но тот, словно испугавшись, сбросил.

– Ты же рок не слушал, – шмыгнул носом Андрей.

– Да пошёл он, этот рок. Это вообще не мой телефон, отжал сегодня, – Вован громко засмеялся, но Андрей никак не отреагировал на заявление: он знал Вована, да, мог и отжать. – Шучу я, шучу. Это девушки моей, свой где-то оставил, вообще не помню.

– Какой по счёту?

– Что какой? – не понял Вован.

– Девушки, говорю, какой по счёту?

– А, – махнул рукой Вован, – да я уже сбился со счёту. Ладно, пойдём отсюда. Посидели, и хватит. Ну, как тебе?

Андрею стало ощутимо легче. Он был благодарен Вовану, ведь теперь точно знал: до вечера он продержится. Никакого особого веселья дорожки ему не приносили, да он никогда и не нюхал их в таких количествах, чтобы отрубаться, как постоянно рассказывали парни. В глубине души он считал этот порошок грязью и в последнее время употреблял его, только когда на этой самой душе было ещё грязнее. Решив не рассказывать о своих ощущениях, которых, в общем, и не было, кроме того что он стал бодрее, Андрей просто кивнул.

На нижнем складе никого не было. Недалеко стоял на накачанной «рохле» поддон с чьим-то заказом и накладными, а дверь на улицу была открыта настежь, и по складу циркулировал приятный ветерок.

– Приятно балду попинать, пока парни работают, да? – засмеялся Вован.

Но вместе с ветерком с улицы до них доносились музыка. Расслышав, Вован поморщился: оказывается, новенький Серёга слушает шансон. Парни отправились на улицу: так и было, Серёга сидел на сложенных поддонах возле входа на склад, а в руках держал телефон, из которого доносилось чьё-то босяцкое пение:

– Свободная, ты свободная,
Слава богу, ты свободная.

– Как дела? – безэмоционально спросил Серёга, увидев парней.

– Пока не родила, – заржал Вован и принял петь, передразнивая исполнителя и корча смешные рожи. – Са-са-сва-бод-на-я, ты свободная, ты-ты-ты-ты-ты, ты свободная.

Серёга смотрел на него с удивлением.

– Серёг, ну чё ты на самом деле такую херомантию слушаешь? – с какой-то обидой в голосе произнёс Вован.

– Ну а чё надо слушать, клубняк ваш этот, тыц-тыц, или рок дебильный, или ещё чё?

– Нормальную надо музыку слушать, Серёга, – не унимался Вован. – Вот мне телефон вернут, и я тебе поставлю. А щас пойдём, мы здесь не курим. У нас курилка вон – по лестнице и направо. Там тоже дверь есть, и дворик маленький. Нормально там, короче. Только шансон не слушают, – добавил он и почему-то засмеялся.

– Ну а ты, – обратился Серёга к Андрею, поднимаясь и топча сигарету. – Тоже, что ль, шансона не понимаешь? Высоцкий, «Мурка».

– Не боюсь я, не верю, не плачу, только кончился чёрный чай, – доносилось из его телефона.

– Не, ну это ты загнул, конечно, – Андрей воодушевился, подумав, как много сейчас расскажет о Высоцком, о том, что никакой это не шансон, но вдруг ощутил какую-то тяжесть, апатию и полное нежелание что-либо говорить, кому-то что-то доказывать. – Ладно, – сказал он устало, – «Мурка» мне тоже нравится. Но это ж «Мурка»... А не это...

– Да выключи ты уже, – не выдержал Вован. Серёга послушался.

– Вот я чего не пойму, – продолжал Вован, закрывая дверь на огромную металлическую задвижку, – так это наших ментов. Они ведь ловят бандюков, а слушают их музыку. Всё то же самое слушают. Я просто хорошо знаю ментов, – доверительно сообщил он. – Так они едут на вызов и слушают это радио «Шансон» – у них вообще

ничего другого не ловит, как будто. Вот люди, я удивляюсь.

– А чего удивляться? – пожал плечами Андрей. – Это та же самая гопота, только с другой стороны.

Вован зачем-то осмотрел склад, и они направились в сторону лестницы.

– Это всё ладно, но сами-то песни ведь нормальные, – встрял Серёга.

– Ну чем они нормальные? – скривился Вован.

– Понятные. Душевные.

– Да ну, – махнул рукой Вован. – Когда ни музыки, ни текстов нет, только и остаётся сказать: душевные. Больше-то ничего в этой музыке не найдёшь.

– А больше-то ничего и не надо, – заметил Серёга. – Вот о свободе песня – о нас ведь. Мы все несвободные. Вот хотя бы на складе этом. А можем быть там, где ещё несвободнее.

– Да ну тебя, – Вована аж передернуло. Они поднялись по лестнице и попали в курилку. – Ты с этим осторожнее.

Народу для такого времени здесь было немного – правда, в основном сидели девочки с касс. Они слушали Санька, который расхаживал по маленькой курилке и что-то оживлённо рассказывал.

– Фу, надымили-то, – проорал Вован.

Андрей поспешил к двери во внутренний дворик, открыл её и, стоя возле неё, закурил. Достал сигарету и Серёга.

– Вот такие у нас люди, – покосившись на Вована, продолжал Санёк. – И главное, я ему говорю: «Ну куда ты пер? Вот на что ты рассчитывал?» На мосту, блин. Ну я не могу. И себе нервы истрепал, и меня, блин, задержал. И вот каждое утро едешь, выезжаешь из дома вроде нормальный, кофейку там попил, в телек повтыкал немножко, всё вроде хорошо. Но вот как едешь до работы – просто злость берёт, какие все кругом бараны! – Санёк театрально схватился за голову, отчего Вован резко засмеялся.

– Ну кончай ты свои автобайки травить. Как ни зайдёшь – одно и то же, козлы-бараны, козлы-бараны. Ты как на планете Козлобаране родился.

– А ты не ездил, откуда тебе знать. У тебя машины-то никогда не было, чего ты мне будешь рассказывать.

– Была, и чё? – отрезал Вован. – Вот и чё? Ездил нормально.

– И где она сейчас?

– Где? – замылся Вован. – Ну, где – это другой вопрос.

– Ну вот, – почему-то торжествующе произнёс Санёк.

– Постоянно рассказывает одно и то же, – повернулся Вован к Серёге. – Как он из дома до работы ездит. Кого подрезал, с кем поругался, какие аварии видел. А бабы сидят слушают, уши развесили.

– Ничего мы не развесили, – возмутилась крупная девушка с собранными в хвост волосами. – Я вон сама на права как сдала, так это... Прекрасно Санька понимаю. И хочешь нормально ездить, да никто тебе не даст. Все нервы истрепешь, а на нашу зарплату их не восстановишь точно.

– Ой, – скривился Вован, – да ездите вы, сколько хотите. – Но говорить-то об этом сколько можно? Уши уже вянут.

– Ну ладно, – Санёк был явно недоволен. Он прищурился и, затушив сигарету, произнёс: – Давай сейчас о твоих опозданиях поговорим, может?

– Может, о том, что я работаю в три смены без премии? – в ответ прищурился Вован.

– Короче, – усмехнулся Санёк. – Бери новенького – и вниз, там уже за заказом приехали. И чтоб я тебя сегодня не видел.

– Да ради бога, – Вован пожал плечами и, кивнув Серёге, начал спускаться по лестнице. Новенький отправился за ним. Полноватая девушка-автомобилистка и её худая бледная напарница, которая не произнесла ни слова, а только слушала весь спор, направились в сторону склада. Санёк остановился возле Андрея, подумал немного и, не найдя, что сказать ему, бросил:

– Дверь потом закрой только. – И отправился вслед за девушками.

Андрею тошно было от этих разговоров. Он смотрел на бетонный забор напротив двери и на два ящика с посаженными в них укропом и салатом, открытые палящему солнцу, – больше во дворе смотреть было не на что, – и думал о чём-то своём. Работа была нормальной: он приходил, общался с парнями, выпивал с ними, в относительно свободные дни они даже играли в карты или футбол самодельным мячом на складе. Иногда он даже испытывал странное чувство: по утрам хотелось на работу. Наверное, потому что в той, нерабочей, жизни он одинок.

Никого не было, кроме родителей, которые ничего не хотели и ни на что не рассчитывали, и нескольких друзей и подруг, которые любили водку и разговоры на кухне до утра. Многие из них писали стихи, бесконечно смотрели фильмы, обрывочно читали разные книги, нахватались из статусов в социальных сетях разных, как им казалось, философских идей. Они тоже не знали, что делать дальше: убивали время, убивая себя. Жизнь тлела, превращая дни и ночи в фотографии, на которые днём мучительно тошно смотреть. Днём после таких собраний было вообще противно что-то делать. А тем более вспоминать, думать.

Да и вспоминать нечего: оставшись наедине со своей подругой, он целовал её, залез под футболку, гладил, ласкал, затем сорвал её. Они были в незакрытой комнате, на кухне веселились и спорили о чём-то друзья, и это им нравилось. Но приступ тошноты оказался сильнее – он босиком, полураздетый, помчался в туалет, да так и уснул там, прямо на полу. Последнее, что помнил, как взглянул в окно: уже светало. Он предусмотрительно завёл будильник на телефоне, чтобы не опоздать на работу.

– Тьфу ты, – сплюнул он.

На душе было гадко. Во-первых, он не смог, расстроил девушку. А во-вторых... Ну, так ли важно все остальное, уже этого достаточно? А остальное – грязь, сплошная грязь того, как он живёт. Тянуло к чистоте.

Подруга прислала СМС: «Наверное, нам не стоило этого делать». А почему не стоило? У него никого нет, у неё никого нет, и долгое, он был уверен, долгое время никого не будет. Так почему не стоило? Подобное притягивает подобное. Он твёрдо решил, что в ближайшее время исправит ошибку. Если только прекрасная татарочка Женька, тонкая как струна, не обратит на него внимания, не заметит, как он смотрит на неё.

Голова после пары часов сна в сортире готова была развалиться пополам, и даже заботливая дорожка, придав сил и способности вообще хоть что-то понимать, не избавляла от этой боли. За любовь к такому времяпрепровождению работники склада называли его «интеллектом», в их представлении интеллигентны только и занимались тем, что пили, читали стихи и спали в сортирах. Но, конечно, никаким интеллигентом он не был. У большинства здесь, в магазине, были семьи, у кого-то – дети, у кого-то – огород или полуподпольный автосервис, а

у него только – стихи и водка и полное непонимание будущего. Когда-то он работал менеджером по продажам, там было больше денег, но Андрею очень не нравились люди. Здесь ему люди нравились. Он знал, что существуют иные виды деятельности, кроме катания «рохли» или продаж какого-нибудь барахла, но подозревал, что двери для него туда закрыты. Когда накатывала страшная мысль, а что будет лет через десять, он просто закрывал глаза и затягивался дымом своих дешёвых сигарет. Ему вспоминался Валера, шестидесятилетний грузчик. Но ведь не всегда Валера работал грузчиком? Или всегда? У Валеры была любимая фраза: «Я никогда ничего не хотел», ей он защищался от разговоров об автомобилях, о счастливых семьях – по крайней мере так казалось Андрею: «Но тоже мне защита», – думал он.

На самом деле, среди грузчиков они встречаются часто – такие мечтатели. Где-то работать надо; мир, в котором ценится только успех, не предлагает вакансий раздолбая-алкоголика, который «может быть, когда-нибудь». Миру нужно всё здесь и сейчас: вот, грузить коробки – для мира полезное дело. Покупатель придет домой, распакует, обрадуется. Поцелует жену: «С удачным приобретением, милая!» Кто-то выбивается, если успевает опомниться, кто-то гибнет, не приходя в сознание, так и доживая свою жизнь.

Заорала музыка со склада, открыли дверь и тут же захлопнули её – музыка прекратилась. «Только бы не грёбанный Санёк», – сморщился Андрей.

Пришла девушка, которую он плохо знал. Он с интересом посмотрел на неё: крашенные чёрные волосы, красивое лицо, нежные губы, выразительные зелёные глаза, как Андрею показалось на миг, смотревшие на него с интересом. И маленькая грудь, которую он ценил в девушках превыше всех других достоинств. Она была ниже его ростом, в отличие от Женьки, и, конечно, не завораживала его, не пленила воображение, но про себя он отметил: «Красивая». Девчонка работала здесь недавно и, похоже, всё время в другие смены – он редко виделся с ней и никогда ни о чём не говорил.

– Пойдём во двор, – сказала девушка, доставая сигарету. Андрей машинально потянулся за зажигалкой, достал, дал ей прикурить. Кажется, в этом магазине не было ни одного человека, который бы её курил, даже некурящие закуривали,

поступая сюда на работу: ведь кто не курит, тот, считай, вообще не отдыхает.

Андрей отошёл от двери, давая пройти девушке, и заметил какую-то незатейливую татуировку у неё на спине, чуть ниже шеи. Рассмотреть её полностью не давала красная футболка – в таких ходили все девушки, работавшие на кассах.

– Куда лавки делись? – спросила девушка,

Андрей пожал плечами, и она промычала что-то в ответ. Встала рядом с Андреем, совсем близко, так что от этой близости у него перехватило дух. Для девушки же всё было просто: она спряталась от солнца под козырьком – места в тени было мало, хватало только им двоим. Весь дворик был залит ярким светом.

– Вон сколько места под солнцем, – сказал Андрей. – Никакой борьбы не надо.

Но она не поняла его юмора. Быстро и нервно затягиваясь, девушка вообще как будто не замечала Андрея, смотрела вперёд себя, на бетонный забор.

– Я, когда сюда приехала из деревни своей, думала, всё красиво так – ходишь, ночные огни эти горят, набережная, заживём, думаю, гулять будем. Город большой такой, – она чуть помолчала, подбирая слова. – Основательный. Снимем квартиру, работы полно, не туда – так туда примут, – она вздохнула, – разовьёмся. Забуду вообще всё, что там было. Там так скучно, – она повернулась к нему на какой-то короткий миг и заглянула в глаза. – Там просто отчаяние какое-то по улицам ходит, заглядывает тебе в дом, а если выходишь – идёшь, и оно тебе навстречу. Как ветер по улицам. Там гораздо скучнее, чем даже здесь у нас. Здесь жизнь, – она усмехнулась. – А сейчас мимо всех этих огней иду и головы не поднимаю. Какая разница, чем живёт этот ночной город? Мне вон, после смены, в магазин зайти успеть, каких-нибудь салатов купить – и спать. Чтоб завтра снова сюда. Не ради чего-то, а просто так. А город всё тот же. На работу никакую не берут: опыта, говорят, нет, везде нужен опыт. А здесь, – она кивнула в сторону двери, – здесь ничего не нужно. Иногда, думаю, я частичку того отчаяния привезла с собой, и, хоть я в Москву поеду, она всегда со мной будет. Хотя я в Москву не поеду, далеко. И муж...

– Ты замужем? – спросил Андрей.

Девушка кивнула:

– Сидит. Не с теми связался. Думал, в городе всё лежит – надо просто взять. Лежит, да не

возьмёшь. Ничего, скоро выйдет. Может, одумается.

Андрей удивился – она была совершенно незнакомой, чужой, не знала даже имени его, и как просто, обыкновенно доверяла ему свои мысли. Без эмоций, без желания какого-то совета, без жалобы в голосе – просто, чтобы не молчать, когда куришь. Он вдруг понял, и от этой внезапной мысли его аж передернуло: ей не нужно его имя, ей нужно поделиться, высказаться. На его месте мог быть кто угодно, ей это неважно. Красивая, совсем молодая. Замужем. Жаль. Хотелось бы обнять её. Что она говорит за день? Только цифры, благодарит за покупку, интересуется, есть ли мелочь. А город всё тот же, она права.

В магазинах, на маленьких складах, не принято много молчать. Любые мысли, даже самые простые, человек озвучивает – как-то ведь нужно провести время. А о чём человек думает? О том, что на бензин повышаются цены, о том, что нужно покупать одежду ребёнку, о том, что хорошо бы закончить этот вечер где-нибудь в баре, выпить пару бокалов пива (впрочем, все закончится тёмным сквером недалеко от работы). А кто много молчит, тот, может, что-то замышляет.

Девушка вышла, ничего не сказав напоследок, Андрей прислушался, как стучат её каблучки, затем хлопнула дверь на склад, и снова наступила тишина. «Красивая», – с некоторым сожалением думал Андрей. История, рассказанная девушкой, его интересовала мало. Его интересовали губы, которыми она всё это говорила – вспомнив их снова, Андрей аж улыбнулся.

Но всё же она не красивей Женьки. Женька идеальна, при виде неё замирает дыхание, к ней тянет, по ней скучаешь, о ней мечтаешь, просыпаешься ночью и вспоминаешь её. А тут... тут просто губы. Андрей вдруг вспомнил, как они сидели в этом же дворике почти всей сменой – тогда здесь ещё стояли лавки – и обсуждали чувства – у кого какие, и к кому.

Санёк важничал, ходил мимо сидящих парней и говорил о том, что всем, мол, пора заводить семьи. Он вообще любил об этом говорить, ну а парни сидели, отдыхали и – раз уж так получилось – слушали его. Здесь же сидела и Катя, кучерявая низенькая девушка, неприметная внешне, правда, неглупая – она единственная из всех, кто здесь работал, училась заочно, получала высшее образование и планировала свалить отсюда при первой возможности. Возмож-

ность всё не предоставлялась: Катя работала в магазине с самого его появления в городе, вот уже пять с лишним лет.

– А красавиц на всех не хватит, – говорил Санёк. – Надо что? Люди живут вместе, чтобы удобнее жить было. Вот я работаю, времени у меня ни на что нет, разве что на дачку на выходной съездить, денег мало, за квартирой следить некогда. А тут – жена. И радости у вас совместные, и заботы у вас совместные. Она тебе помогает, ты ей помогаешь. У неё выходной – она что-то в квартире делает, у тебя – ты. Скопить на что-то проще, опять же. У неё какие-то родственники – тебе помогут, твои – ей помогут. Жизнь становится легче, проблем меньше в ней. Понимаешь?

Андрей чувствовал на каком-то совсем глубинном, потаённом уровне, что в словах Санька не так уж мало правды. Только такая правда не нравилась ему, он гнал её от себя. Но и спорить с Саньком не хотел – уверенности для спора не было, да и если бы он переспорил Санька – так и что с того? Для кого бы из них изменилось хоть что-то?

– Не знаю, – вяло ответил он, чтобы просто не молчать. – Я лучше подожду нормальных чувств. Я не хочу вот... этого всего.

У самого Санька жена была длинноногая, высокая, не сказать, чтобы красавица, но симпатичная уж точно, в её вызывающей манере говорить было что-то стержневое, а это всегда нравилось парням. Заинтересовать она умела. Сложно представить, что старший смены жил с ней исключительно из удобства, хотя... всякое возможно. Работала она здесь же, старшим кассиром, но не курила, а поэтому видел её Андрей редко. Один раз они остались на кухне вдвоём, и та, видя паршивое – с очередного похмелья – настроение Андрея, словно насмехаясь над ним, пропела:

– Не надо печалиться, вся жизнь впереди, надейся и жди, надейся и жди.

Она, как показалось Андрею, с особой издёвкой дважды повторила последнюю строчку, хотя улыбалась при этом довольно мило.

– Дурацкая песня, – пробормотал Андрей. – Никогда её не понимал. Надейся и жди – что за дурацкий совет? Как так жить можно? Так и вся жизнь пройдёт.

– Вот-вот, – загадочно улыбалась жена Санька.

Но, как бы ни отрицал того Андрей, от себя правды не скроешь, в жизни он занимался имен-

но этим: надеялся и ждал. Вот только чего ждал, на что надеялся?

– Вот, например, Катя, – продолжал Санёк, и кудрявая девушка повернулась к нему.

– Что Катя? – спросила она с негодованием.

Андрей, кажется, тоже понял, о чём зайдёт разговор.

– Ты молодая, – он замолк, подбирая слово. – Симпатичная. Живёшь одна да ещё снимашь.

– И что? – Катя изобразила недоумение.

– Как что? Андрюха вон у нас тоже – парень одинокий. В меру, скажем, симпатичный, – он засмеялся. – Но характер нормальный. Раздолбай, правда, ну так на то ты и женщина, чтоб поправить.

Андрей посмотрел на Катю и на какой-то миг действительно попытался представить её в роли своей девушки, жены, одним словом, той, к которой он будет возвращаться домой вечерами и с которой валяться в постели по выходным. «Ну и нормально», – вынырнула из тех самых потаённых глубин сознания предательская мысль. Но наваждение быстро прошло. Андрей вспомнил главное – Катя может быть кем угодно, но она никогда не станет его *возлюбленной*. А если так, то зачем тогда всё, какой смысл?

Встретившись взглядами, он понял, что девушка тоже оценивает его. Она задержалась в своих мыслях несколько дольше. Что она думает, Андрей, конечно, не знал, но понимал прекрасно, что мысль: «А почему нет?» – у неё промелькнула тоже. Все друг друга ищут, нескончаемо, с утра до вечера, в толпах людских жадно друг друга ищут. И грузчики, и комплектовщики, и девушки с касс – не исключение, а тем более они, Андрей и Катя. Так почему бы не присмотреться, в самом деле? Они улыбнулись друг другу, но вот Андрей уже повернулся к Саньку:

– Ну, хватит чушь-то говорить.

– А почему чушь-то? Эх вы, – он махнул рукой. – Не понимаете главного. Ладно, мне картошки сегодня вечером привезут, несколько мешков, во-от таких, – он изобразил, какие большие мешки ему привезут. – Могу завтра захватить, кому надо, двадцать кгэ, и дёшево. На рынке такой не купишь.

– Да куплю, – отмахнулся Андрей.

– Во, – Санька посетила новая мысль. – На рынок будете ходить вместе. А то тяжело ведь? – повернулся он к Кате.

Парни рассмеялись. Андрей посматривал на Катю и вспоминал, как комплектовщик Игорь из другой смены однажды напился в компании нескольких парней и девчонок из магазина, а потом трахнул Катю – то ли у себя дома, то ли у неё. Проснулись вместе, но Игорь сразу побежал на склад и весь день скрывался от Кати. «Да ну», – объяснял он парням, которые помогали ему прятаться и сообщали, где Катя. А теперь он сидел и спокойно шутил, да и Катя не испытывала в его компании никаких неудобств.

– Да сейчас все красивые, – говорил Игорь. – Зайдёшь «В контакте» – там такие фотки у всех, обалдеть можно, некрасивых вообще нет. На аватарки посмотришь – это круче любой картинки в журнале, не, серьёзно, – он увидел, как Санёк скептически посмотрел на него. – Хотя с виду всё очень прилично, приличнее некуда. Но такие девочки. Некрасивых вообще нет, я вам говорю. Так что красивых на всех хватит.

– Ну, вот на Андрюху ещё не хватило, – не успокаивался Санёк.

– Да хватит, – Игорь дружески похлопал Андрея по плечу, тот посмотрел удивлённо: он же вроде ничего не говорил. – И вообще «В контакте» – странная штука. Посмотришь, все такие офигенные, счастливые, все любимыми делами занимаются. А вокруг глянешь – где они все? Может, они в автобусах не ездят, только в дорогих машинах: но и туда глянешь, везде одни хари – злобные, перекошенные, у-у-у, – он попытался изобразить, но добродушное лицо Игоря вызвало только улыбку. – Все только в Интернете счастливые. Вот и красивые так же, – подвёл он итог.

– Ну вот, – сказал Санёк, – начал за здоровье, закончил за упокой.

Андрей улыбался, вспоминая тот разговор. «Красавиц не хватит, – беззлобно думал он. – Дурак ты, конечно, Санёк». Увлечённый своими мыслями, он и не заметил, как в курилку пришло высшее руководство магазина – директор Ирина, женщина лет сорока, её зам, возрастом старше, которую все в магазине называли по фамилии: Шаропова – во-первых, из-за строгости, а во-вторых, с такой фамилией, конечно, это было неизбежно, – ну и третья, Марина, про которую утром Санёк, как ему казалось, удачно шутил.

– А ты чего в жёлтой футболке?

Ирина привыкла не здороваться, а сразу что-то спрашивать. Впрочем, Андрея это не смущало – в своём нынешнем состоянии он всё равно

не мог вспомнить, виделась она сегодня или нет, и думал только одно: «Не просекла бы».

– Хочу так, – коротко ответил он.

Он действительно единственный из всех работников магазина ходил в собственной жёлтой футболке, вместо тех, что выдавали для работы – так сложилось само собой, ни у кого он ничего не спрашивал.

– Жёлтая майка лидера, – пошутила Шарпова.

Ирина задумчиво улыбнулась. Видно было, что проблема футболок, в принципе волнует её мало, она вообще выглядела сонно и устало. Но сказать что-то было нужно, и она сказала:

– У нас корпоративные цвета – синий и красный.

– Ага, – затянулась Марина. – Они так и ходят, как две футбольные команды: одна смена синяя, другая смена красная, – она была баба простая, близкая, как говорят, к народу. В отличие от Ирины и Шарповой, соблюдавших корпоративную этику, да и вообще правила делового поведения.

– Ну а я типа судья, – Андрей постарался закрыть тему.

– Иди уже, – ответила усталая Ирина.

«Не просекла», – с облегчением подумал Андрей. Впрочем, если быть честным, особо-то он и не боялся. Однажды Игорь с Мишаней накурились прямо во внутреннем дворике – ну, разве что ради приличия за стенку отошли – накурились плотно и угостили даже Андрея, но тот сделал пару «тяжек», а парни же не успокоились, пока не добились всё. Спокойный Мишаня достал наушники, врубил свою любимую тяжёлую музыку и смело вышел в зал расставлять по полкам тяжёлые коробки с порошками. А вот Игорю повезло меньше, его, как говорили парни, «убило». Кое-как он добрёл до самого отдалённого угла верхнего склада, где присел на коробки, бормоча что-то невнятное и ворочаясь. Но от камер не скроешься, а они, чтобы труд был эффективнее, да и для пресечения воровства, были установлены в магазине повсюду. Так, на записи видеонаблюдения, которая транслировалась в кабинет руководителя, его и увидела Ирина. Когда она зашла, парни думали: всё, крышка всей смене. Но Ирина лишь посмотрела ласково на страдающего Игоря, который бессвязно бормотал и пытался понять, что от него хотят:

– Опять накурился? Горе ты наше. Ладно, не делай так больше, – развернулась и ушла.

Ирина была редким, особенно для складов и магазинов, типом начальника: руководитель-мать, она видела в грузчиках и продавцах несмышленых детей и не теряла надежды на то, что они повзрослеют. А может, она просто понимала, кто ещё будет работать? «Уволишь этих – придут или «откинувшиеся», или такие же, рабочие. Знающие, что жизнь – не такая уж и интересная штука, что есть в ней дело, которое – монотонно, муторно, но надо делать. И не то чтобы его не делает никто, кроме тебя, нет, его сделает кто угодно. Но кто угодно и есть будет, и курить. И отдыхать. Рабочий ведь не гопник, не вор, он живёт честно. Так что пусть лучше эти, чем воры или гопники», – думала, наверное, Ирина. Ну, иногда срываются – так то жизнь. Парни видели это и тоже не наглели. Тот же Игорь, например, больше такого не позволял. Накуривался тихо, под конец смены. Ну, разве пиво с утра мог выпить. Но без этого, случается, вообще никак.

Андрей хотел было отправиться вниз, к Вовану с Серёгой, но дверь с верхнего склада открылась, и оттуда, как ошпаренный, выскочил Макс.

– Курить? – машинально спросил Андрей.

– Так, – крикнул он Андрею. – Прошу вас подойти сюда. Минуточку внимания. Сейчас я проведу для вас увлекательную экскурсию по торговому залу. Вы сможете пройти вдоль рядов с порошками, полюбоваться новыми шампунями, которые появились в нашем магазине буквально вчера, подивиться очарованию...

– Так, Макс, я тебя понял, – прервал его Андрей. – Говори, что надо.

– Как что? – изумился Макс. – Бери тележку и кати в зал! Там всё позаканчивалось. Покупатели к нам уже на склад лезут, как зомби. Я им: «Дверь закройте». Они мне: «А где то, а где это?» Я говорю: «Щас, спокойно, Андрюха придёт и всё выкатит. Он, хоть и пьянь, а у нас больше некому».

Андрею не очень хотелось идти в зал, и он внезапно понял, что Вован с Серёгой очень удачно «слились» из курилки на первый этаж, в «андеграунд», хотя именно он должен был работать сегодня там, учить новичка. А троим там делать, конечно, нечего. Не идти же к Саньку, в самом деле, на парней жаловаться? Разве только сам заметит.

«Технично развели», – ухмыльнулся про себя Андрей. Впрочем, подумал это беззлобно: он был благодарен Вовану за то, что тот поправил

ему самочувствие. Можно было и в зале поработать, ладно.

Он вышел в торговый зал и сразу попал в шумное скопление людей. Все галдели, шумели, о чём-то оживлённо переговаривались, спорили, кричали что-то в трубки телефонов, толкали друг друга и извинялись. Андрею захотелось заткнуть уши, только бы не слышать их. Он быстро оценил, какого товара и сколько нужно – за время работы он уже научился измерять это количество в коробках. «Три с половиной», – подумал Андрей, посмотрев на стеллажи со средством для чистки унитазов.

– Почему у вас ничего нет? – возмутилась под ухом какая-то старушка, крашенная в странный фиолетовый цвет. – Что за работники?

– Да они здесь безответственные все, – вторила ей другая. – Такие деньги получают, и такие безответственные.

«Какие деньги, – Андрею захотелось заорать ей в лицо. – Посмотрел бы я на вас, как вы бы прожили на такие деньги!» Но он сдержался. Даже не потому, что клиент всегда прав, просто в этом споре не было никакого смысла. Он вспомнил, как любил Вован, если видел, что кто-то на складе грустный, повторять одну и ту же шутку:

– Подними вверх руку, – просил он, и любой из парней без лишних вопросов поднимал, ожидая, что будет дальше.

– А теперь резко опусти так и громко скажи: «Да ну и хрен с ним».

Кто-то просто смеялся, а кто и действительно махал рукой и произносил «волшебную фразу». Все эту шутку знали, но как-то машинально на неё ловились, да не по одному разу. Может, людям она просто нравилась? Ведь после нехитрого действия действительно становилось легче.

– Дайте мне пустые коробки, – чей-то капризный тон вырвал Андрея из этих мыслей, и он увидел перед собой ухоженную женщину лет сорока, в деловом костюме, с аккуратной дорогой подвеской, на которую и устремился взгляд комплектовщика и даже задержался там на некоторое время. Такие женщины всегда нравились ему, но не в нынешней ситуации.

– Пустые коробки, говорю, дайте, – раздражённо повторила она. – Молодой человек, мне долго ждать, пока вы там выйдете из своего наваждения?

– У нас нет пустых коробок, – тихо сказал Андрей.

– Что это значит нет? – взвилась женщина. – У вас целый склад коробок.

– У нас склад не коробок, – терпеливо сказал Андрей, – а продукции.

– Ну так продукция в коробках. Вы меня за дуру держите?

– В коробки собираются оптовые заказы, их и так не хватает.

– Молодой человек, – взвилась женщина, – я не хочу с вами спорить. Просто дайте мне коробки и всё. Вы обязаны.

Андрея начало это раздражать. Выдача пустых коробок капризным и наглым дамам в его должностные обязанности не входила, нигде и никак прописана не была.

– У нас тут не магазин коробок, – ответил он ей и хотел было развернуться, но тут женщина применила последний аргумент. Точно, как же он мог про него забыть!

– Немедленно несите коробки, – сказала она, – а то я позову управляющего.

– Зовите управляющего, – вздохнул Андрей. – Коробки от этого не появятся. У управляющего их нет.

Но тут он увидел тележку, которая стояла за женщиной и, очевидно, была именно её тележкой. Вместительная и широкая, она была полностью набита товаром, даже с горкой. Шампуни вперемешку с порошками, освежителями, туалетной водой, зубной пастой, средствами для чистки унитазов, кондиционерами для белья и мужскими бритвами. Андрей представил, как тащит она это всё до машины, а машина у такой женщины наверняка есть, и никто ей не помогает, и ругается она на пути, и злится, и падают эти шампуни из её рук. Он взглянул на неё и понял, что не хочет, чтобы эта женщина расстраивалась.

– Ладно, – произнёс он. – Сейчас выставлю что-нибудь, будут коробки. Подождите немного.

– А, испугался, – торжествующе произнесла женщина. – И правильно, сейчас позвала бы управляющего, уволили бы тебя к чёртовой матери.

«Лучше бы ты молчала, дура», – сердито подумал Андрей и отправился на склад. Там ревели музыка и стоял мат: парни старались перерорать друг друга и радио, хотя ничто не мешало сделать его тише.

– Кинь мне пару этих, – кричал кто-то. – Тринадцать тысяч триста.

– Тринадцать тысяч триста? Нет такого артикула.

– Ой, мать твою. Тринадцать тысяч двести! Парочку.

– Другое дело. А то что-то ты попутал, я гляжу.
– Да, заработался маленько.

Андрей подошёл к кипе коробок, посмотрел артикулы, нашёл нужный, снял три коробки, поставил их друг на друга, взял обеими руками и понёс в сторону зала.

– Андрюх, – окликнул его Мишаня. – Ты это, чего дурью маешься?

– Чего? – не понял Андрей. Неразговорчивый обычно Мишаня, и тут решил о чём-то его спросить! Верно, что-то важное!

– Тебе чего, за это платят?

– За что? – удивился Андрей.

– Ну вот за то, что коробки таскаешь, – ответил Мишаня. – Взял бы да на тележку положил.

– Так они нетяжёлые, – ответил Андрей. – Да и пока тележку найдёшь...

– А я бы тележки дождался, – расслабленно произнёс Мишаня, – чем надрываться. Правильно, парни?

– Правильно, правильно, – вторил ему Макс. Андрюху это, конечно, удивило: старший смены как-никак, его должно заботить, чтоб работа скорее исполнялась. – У тебя, Андрюха, скоро энтузиазма-то поубавится.

– Смотри, пупок надорвёшь, а это здесь никто не оценит, – включился Санёк. – Уволят без выплаты пособия, да и всеё

«Чокнулись вы, что ли, все», – Андрей развернулся и вышел в зал. «Какая ерунда, – раздражённо думал он. – Нашли, о чём спорить. Быстрее взять коробки и выставить их, чем попусту трепаться. Какая разница, тележка не тележка».

– Молодой человек, ну что вы так долго, – раздражённо сказала женщина в костюме. Андрей аж сморщился, увидев её. – Давайте я вам помогу.

Она схватила пару флаконов со средствами и спешно, кое-как, поставила на полку.

– Давайте я сам, – сказал Андрей.

– Нет уж, давайте помогу.

«Поможет она, как же, – думал Андрей, – коробки ей нужны скорее, потерпеть не может».

– Слушайте, а чего вы тут работаете, – неожиданно начала женщина.

– В смысле, как чего? – повернулся к ней Андрей.

– Ну вот зачем вам это? Коробки какие-то таскаете целыми днями, грузите что-то, расставляете. Вы же молодой! Вам нужно будущее своё

устраивать. Занялись бы бизнесом, знаете, что такое своё дело?

«Вот оно, моё дело», – усмехнулся Андрей, глядя на аккуратно расставленные ряды моющих средств. Но к женщине прислушался.

– А хотите, я вам помогу, – сказала она, вытаскивая новую порцию флаконов из коробки.

– Да вы и так помогаете.

– Да нет, я не об этом, – она засмеялась. – Я не об этом. Я о своём деле. Введу вас в бизнес. Будете работать со мной.

– Что за бизнес, – прошептал Андрей. На мгновение его голова закружилась.

«Вот он, счастливый случай», – думал он, и у него аж дух захватило: он подумал, что понравился этой милой женщине. Может, она увидела, что его уровень выше, что ему действительно не место здесь, среди коробок этих, да просто Омск не даёт, просто растерялся он в этом городе. Нужно помочь, подтолкнуть парня. Он же способен, со всем справится. Она разовьёт его, вырастит, и станет он её полноценным бизнес-партнером. Да и в жизни, конечно, партнёром. А как иначе? Не просто же так она предлагает ему? Значит, она одинока. Значит, хочет выхватить его из толпы, из окружающей серой среды и забрать его в свой мир – мир возможностей, мир больших, настоящих дел и больших, настоящих радостей. Она так хороша. Андрей посмотрел на дорогу подвеску, потом выше, на лицо женщины. А Женька что? Да вряд ли он вспомнит о Женьке.

Но к своим годам Андрюха уже точно знал: так не бывает. Здесь что-то не так.

– Вот, возьмите, – она протянула Андрею какую-то брошюру. – Почитаете на досуге.

Андрей свернул её и сунул в карман штанов, мельком разглядев, что там изображены в большом количестве какие-то духи, помады, туши, карандаши для ресниц и прочая косметика.

– И всё? – разочарованно произнёс он.

– Если заинтересует, звоните. Я вас подпишу. Будете строить бизнес в моей ветви. Всё очень просто: для начала вам нужно купить пакет из пробников и набор первичных инструкций. Заключим договор...

– Так это что, сетевой маркетинг? – догадался Андрей.

– Да. Самый быстрый и честный бизнес. Если вы, конечно, настроены к жизни позитивно и хотите зарабатывать.

«Где-то я всё это слышал», – подумал Андрей и ответил коротко:

– Нет, спасибо.

Коробки уже освободились, и он протянул одну из них женщине.

– Разве вы не хотите отсюда уйти, стать свободнее? Разве вам это нравится?

– Не хочу, – ответил Андрей, проигнорировав второй вопрос.

– Ну, ваше дело, – разочарованно протянула женщина, принимая коробку. – Это ведь просто ваша работа, верно?

– Это моё призвание, – ответил он, глядя ей в глаза. – Всего доброго.

Андрей развернулся и отправился в столовую для сотрудников. Попастъ в неё можно было прямо из торгового зала, минуя склад. Он приложил электронную карту к считывателю, и дверь поддалась.

На «кухне», как называли все это маленькое помещение для приёма пищи, оборудованное кулером и микроволновкой, уже сидели Руслан и Юрик – парочка из области, они всё время работали вместе, приезжали на одной машине, ходили вместе в курилку, на обед, работали в зале и даже жили они вместе – снимали одну квартиру на двоих, так дешевле. Общались они в основном друг с другом, остальные парни считали их туповатыми, но ничего такого им не показывали: на складе все были равны. Юрик громко кашлял, так, что сидевшая рядом администратор Лена даже отодвинулась от него подальше, а Руслан выговаривал ему:

– Ну ты даёшь, братан. Не хочешь даже на больничный идти. Не дело это – с таким кашлем на работу припёрся. Я же тебе говорил утром.

Андрюха взглянул на часы и присвистнул: он и не думал, что прошло больше половины дня. Складская работа такая: бывает, день тянется, как резина, и думаешь уже, что он никогда не кончится, а бывает... Бывают и такие вот сюрпризы, как сегодня. Правда, и власть дорожки над ним слабела, надо спуститься к Вовану, если он там ещё жив, думал Андрей. Следом за ним на кухню зашёл и Макс. Руслан, увидев его, оживился.

– Макс, давай разрули наш спор, – запричитал он. – Как старший смены. Вот скажи, человек с температурой под тридцать восемь и кашлем что должен делать: работать или дома сидеть?

– А кто это с кашлем? – поинтересовался Макс.

– Так кто же? Юрец наш, конечно, кто же ещё до такого додумается. Совсем башки нет у парня.

– А ну-ка покажись, – сказал Макс Юре, и тот повернул к нему красное от продолжительного кашля лицо. Глаза его были воспалены, а под носом болталась сопля. Выглядел Юра, скажем прямо, не очень.

– Так а чего ты, – начал Макс, – на самом деле, дома не сидишь?

– Ну а чего? – огрызнулся Юра. – Мне кто-то платить будет за то, что я дома сижу? Деньги-то мне нужны. Нам вон за хату платить, – напомнил он Руслану. – Так что будет температура хоть сорок – а я на работу выйду.

– Ишь ты, герой какой! – передразнил его Макс: – «Я на работу выйду!» Нам тут всем деньги нужны, не только тебе. И семьям нашим. Андрюхе вон на пиво, – он нервно засмеялся. – А ты вот заразишь нас – здесь полсмены на больничный слягут. Ты не о себе думай-то, а о парнях. Мы-то чего, из-за тебя тоже болеть должны?

– Ну, – неуверенно подхватил Руслан, хотя он думал, что Макс станет убеждать Юрика заботиться о своём здоровье. Но оказалось, способ Макса действеннее.

– Я тебе как старший смены говорю: давай домой иди. Прямо сейчас. А то я вообще Ирине расскажу. И Санёк тебя домой отправит, да любой.

– Чего, серьёзно? – спросил Юрий. – Ну ладно, что-то мне действительно хреново.

– Давай лечись, – сказала Лена. Всем казалось, что она и не слушает их разговор, оказалось, нет, слушает. – Выздоровливай, – говорит.

Юра встал и, охая, направился к выходу. Андрюха распаковал «Доширак» и стал неспешно заливать его горячей водой.

– Чего, Андрюх, тоже пообедать решил? «Дошираком», смотрю, разжился. Зарплату, что ль, получил?

– Угу, – буркнул Андрей, – кредит взял.

– Обед – это правильно, – сказал Макс. – Война войной, а обед по расписанию. Верно я говорю, Рус?

– Верно, – ответил тот.

– Верно, – повторил Макс. – А теперь иди по работай. А то парни там умаялись уже, а тебя я, как ни зайду, здесь вижу.

– Так и я, как ни приду, ты заходишь! – возмущился Руслан.

– Давай-давай, не спорь! – сказал Макс.

– А ты тоже обедать? – спросил Андрей.

– Да нет, – Макс почему-то призадумался. – Я уже этих «Дошираков» наелся, тошнит от них.

Я так, водички попить. День какой-то сегодня дурацкий. И все галдят, бегают туда-сюда.

– Обычный день, – усмехнулась Лена. – Приятного аппетита, – сказала она Андрею.

– Да какой там, – Андрей поморщился, глядя на «Доширак». После дорожки и есть-то не хотелось, он и пришёл сюда потому только, что умаялся, посидеть хотел. Надеялся, что Женька будет. А её вот нет.

– Вот скажите мне, – обратился он к Максусу с Леной. – Почему «Доширак» так по-дурацки рекламируют? Вот показывают семью обычную, молодую – муж, жена, детишки, все такие счастливые, возвращаются домой, дом шикарный, отдельный, мебель дорогущая, за окном сад какой-то цветёт, одеты – знаете, ну, по-простому, но со вкусом. Улыбки у всех, радость такая, ну просто... И вот мама, жена, значит, ставит кастрюлю на стол, открывает, а там – м-м-м, у всех слюньки текут, – лапша растворимая вот эта, разведённая в воде. И все такие: «Мама, ни фиги себе, как вкусно!»

Макс засмеялся:

– Ну а ты чего хотел?

– Да покажите вы, как есть на самом деле, – возмутился Андрей, наворачивая «Доширак». – Неужели такая семья лапшой будет питаться? Покажите грузчиков таких, как мы, которые умаялись и жрут в перерыве «Доширак» свой, потому что на другое просто денег не хватает да и времени. Пять минут на всё. Всё равно ведь только мы эту дрянь и едим...

– Ну да, ну да, – Макс, казалось, задумался о чём-то своём.

– Мальчики, хватит ерунду какую-то обсуждать. – встряла Лена. Она как администратор лапшу, конечно, не ела. Заказывала пиццу себе, ей доставляли прямо на работу. Иногда салатов каких-нибудь, горячих блюд. Грузчики, конечно, их ели только дома. – Сегодня ведь Крым присоединили! Это так классно!

– Ага, – сказал Макс. – Я тоже смотрел. Молодцы, чего. Теперь будем туда ездить. Я там служил вообще, Андрюха знает, в Севастополе. И ещё приезжал недавно, с женой отдыхать, деньги у них нелепые какие-то – гривны, всё по-украински. Я вот думаю: что за ерунда, вокруг все русские, а тут этот театр – флаги эти жёлто-голубые, мова. Посмешище какое-то.

– Это точно, – усмехнулся Андрей.

Он в Крыму никогда не бывал, но очень рвался. Было не с кем поехать, а одному грустно: все

отдыхают, купаются, любят друг друга, счастливые. А он будет на берегу с бутылочкой пива сидеть, один... Хотя? Почему бы и нет.

– Все говорят вот сейчас о какой-то истории своей, о независимости, целостное государство, блин. Я сижу и думаю: какая ещё история? Какое государство? Украина вообще не страна, а гадость какая-то. Только вонь от неё, только страдания людям. Смысла никакого нет в этой стране, они сами это понимают, идиоты эти, что у них у власти. Вот и бесятся.

– Сволочи. Новая власть, твою мать. Чем только ни занимаются, а всего-то надо: услышать людей на юге и востоке. Которых больше, кстати. Просто услышать и всё.

– Ребят, ну хватит о политике, – улыбнулась Лена. – Там же солнце. Вот что самое главное. Там тепло и солнце.

– А я вот, главное, наткнулся в Интернете на какой-то пост, – не замечая её слов, продолжил Андрей. – Пишет какая-то дура, но богатая вся, расфуфыренная такая. У неё ребёнок в школу ходит где-то, я не понял, то ли на Украине, то ли вообще в России. И вот ему там в школе объясняют, что Крым присоединили, все радуются, мол, учителя, и дети. И вот ребёнок домой приходит, а она ему говорит: «Чего радуешься-то? Стыдно должно быть! Это то же самое, что у соседки, мол, больной, лежачей, кошелёк украсть». Ну ни хрена себе, думаю, сравнения у человека. Написал ей: «Дура ты. Это правый сектор, что ли, старушка, это сволочи все ваши на майдане, до зубов вооружённые, – это старушка, что ли?» Захожу к ней на страницу. Ну, посмотреть, кто такая вообще, что за личность. Пишет: «Любовь вообще что-то лишнее в моей системе ценностей. Не понимаю тех, кто говорит, что люди должны любить. Люди никому ничего не должны, только себе. Люди должны думать, люди должны действовать, люди должны не быть овощами. А любить? Пусть этим занимаются те, кто ни на что другое не способен».

– Что, так и написала? – переспросила Лена. Казалось, настроение её было испорчено.

– Так и написала, – подтвердил Андрей. – Ну, я стал читать дальше. И знаешь, этих гадов всех... Читаю, блин, и думаю. Вот кто ни выступает против Крыма – у каждого «любовь – это не ценность». Вот буквально у каждого, хоть где-нибудь да промелькнёт.

– Я вообще не понимаю, как против Крыма можно выступать, – произнёс Макс. – Это идиоты какие-то, ей-богу.

– Это не идиоты, Макс, – лицо Андрея стало мрачным и серьёзным. – Это враги.

– Да их вон целый майдан в Москве собрался против Крыма. Я когда узнал, аж охренел. Это как вон с твоим «Дошираком» – показывают не то, что надо. Точно такая же история. Вы, блин, покажите, как оно есть на самом деле. Не надо вот этих «Мы за мир», «Мы за невторжение». Они просто, кроме частной собственности, ничего не знают. С девяносто первого года. Это у них в крови, это их религия, – Макс, похоже, не на шутку распалился. – Они не понимают просто, что на Украине живые люди, для них это что-то неодушевлённое, стерильное. Просто какое-то понятие, слово: «Украина», а обозначает оно частную собственность. А частную собственность трогать нельзя. Она неприкосновенна. Однако вот же, с Крымом прикоснулись. Отсюда и все вопли их. Они выходят на эти площади не за мир, а за своё богатство. За то, чтобы они богатели дальше, и им никто не мешал со своим Крымом, не лез, чтоб не мешали в Европу ездить, коньяки хлестать. Вот и всё. Вот и вся их свобода.

– Чтоб такие, как мы, не мешали, – сказал Андрей.

– Ребят, ну а что, ездить в Европу – это плохо, что ли? Частная собственность – это плохо? – спросила Лена. – Вы щас заговоритесь тут. Вот теперь у нас частная собственность на Крым.

– Эх, Лена-Лена, – махнул рукой Макс, выкинул пластиковый стаканчик в урну и вышел из кухни. Андрей опять вспомнил шутку Вована и про себя улыбнулся: «Да ну и хрен с ним».

– Главное ведь любовь, – медленно сказала Лена, как будто убеждая в этом себя. – Не понимаю я тех, кто так пишет. Да и нет у меня знакомых таких, мои подружки все любят. Или надеются, что полюбят, – она улыбнулась как-то грустно.

Андрей с Леной остались на кухне вдвоём.

«Любовь – это, конечно, главное, – внутренне соглашался Андрей. – Но зачем о ней так много говорить?» Лене было слегка за тридцать, и она относилась ко второй категории – тех, кто своего счастья ждёт, да никак не дождетя и уже начинает нервничать, покусывая заусенцы. Она следила за собой, за счёт чего и выглядела привлекательно – зарплата администратора была неплохой. Но тем не менее её привлекательность не подкупала парней на складе. Не подкупала и Андрея. А Лена ведь искренне считала себя чуть ли не главной красавицей в магазине.

– У тебя есть девушка? – спросила Лена.

Нет, она, конечно, не предлагала Андрею ей стать и совсем не за тем спрашивала, а потому лишь, что не умела, а может, и не хотела – говорить на другие темы, кроме любви. Ну, помимо рабочих, разумеется.

– Нет, – покачал головой Андрей, доедая «Доширак».

– Мне интересно, а почему её у тебя нет? А ведь была же?

– Была, – односложно признался Андрей.

– А чего вы расстались? Она тебя бросила, да? – спросила Лена, сделав грустное выражение лица.

«Угадала, зараза», – подумал Андрей, но не ответил.

– Ничего, ещё встретишь, – сказала Лена как-то утешающе, как будто Андрей только что жаловался ей на одиночество.

«Но ничего ж такого не было», – подумал Андрей и посмотрел на неё искоса.

– И я встречу, – добавила Лена. – Я очень хочу.

– Главное, к лету успеть, – подмигнул ей Андрей. – Чтобы было с кем в Крым ехать.

Устав от женского разговора, Андрей вернулся на склад, где разговоры шли, конечно, мужские – иных и не могло быть, ведь здесь работали только парни. По правде говоря, и от мужских разговоров Андрей устал и их не желал слушать, но тут уже, в отличие от «кухни», никуда не денешься, не возьмёшь и не выйдешь. «Работать, негры, солнце ещё высоко», – любил повторять Вован.

– Парней, конечно, жаль, – говорил Руслан и качал головой.

Андрей понял, что упустил какую-то историю.

– Вы о чём? – спросил он.

– Да отловили их. Помнишь, история была? Грабнули инкассаторов, пару человек пришили и смотались быстро. Весь город на ушах стоял, потом забыли немного. Я думал, они уже на островах греются.

– Да все думали, – подхватил Игорь.

Андрей пытался вспомнить, что за история с грабителями инкассаторов, которую он пропустил, и уже готовился сказать парням, что, мол, не помнит он, о чём они вообще говорят, как вдруг его словно ударило током: да, была такая новость. Он ещё не работал тогда здесь, а только приехал в Омск. Пришив, как говорили парни, инкассаторов, бандиты не забыли и двоих

прохожих – дело происходило со стороны дво-
ра, а там случайно оказались старушка и моло-
дая мама с коляской. Вспомнив об этом, Ан-
дрей недоумённо посмотрел на Руслана, а за-
тем и на Макса.

– Эй, вы чего, парни? Кого вы жалеете?

Макс промолчал, а Руслан не стал:

– Рискнули ребята, да не повезло им. Это ж
сколько у них – десять лямов на руках было! Ва-
ли куда хочешь. Во идиоты!

– Хотели ребята свободы, – как будто мечта-
тельно произнёс Игорь.

– Да вы что, чокнулись все? – сказал Андрю-
ха. – Парни ваши убили старуху и молодую мать.
У меня таким вообще нет оправдания. Пусть си-
дят, заслужили.

– Ну да, они беспредельщики, конечно, –
медленно произнёс Макс, как будто думая о чём-
то своём. – Они, конечно, беспредельщики...

– Так, беспредельщики, – прерывал их Са-
нёк, который, по всей видимости, услышал конец
разговора. – У меня к вам разговор. Как раз о
беспредельщиках. Сделайте-ка радио потише.

Руслан нашёл на коробках пульт от музы-
кального центра и вообще вырубил звук. Насту-
пила тревожная тишина. По тому, как Санёк мол-
чит и всех оглядывает, Андрей понял: наступает
тяжёлый разговор. Возле коробок бродил расте-
рянный Валера – тот самый мужик шестидесяти
лет, который никак не мог запомнить артикулы и
потому записывал их аккуратно в столбик на ку-
сок картона.

– Валер, иди тоже сюда, – Санёк описал в
воздухе приглашающий жест.

– А? Что? – засуетился Валера.

Андрей заметил, как подошли Вован с Серё-
гой – видимо, старший смены позвал всех пар-
ней. Случалось такое редко, и Андрей терпеть
не мог подобные разговоры. Но следующая фра-
за Санька прозвучала неожиданно.

– Пацаны, – сказал Санёк, – вы все знаете,
что крысятничество – это самый чудовищный
грех.

– Ну, знаем, – усмехнулся Игорь. – И что?

– Та-а-ак, – громко сказал Вован. – Начаина-
ется. У тебя опять паранойя, что ли?

– Я тебе поговорю щас, – взорвался Са-
нёк. – Вылетишь вообще отсюда. За свои опоз-
дания, и за свою наркоманию. Все знают, что ты
наркоман.

– Ну, за что ещё? – насмешливо сказал
Вован.

– За язык твой борзый.

– Все знают, что ты с начальством трёшь-
ся, – крикнул Вован.

– Заткнись, я тебе говорю, – побагровел
Санёк.

– Ну так, чего хотел? – продолжал наступле-
ние Вован. – У меня вообще-то работа.

– Кошель украли у меня. Из раздевалки.

Парни притихли, только Валера как-то не-
громко охнул. Но молчание Вована длилось не-
долго.

– Ну, поздравляю, – сказал Вован. – Ищи
лучше, чем на парней вешать.

– Я тебе сказал, засранец, – медленно про-
говорил Санёк. – Я обыскал всё, понял. В раз-
девалке нигде нет.

– Мою куртку обыскал? – зло спросил Вован,
и старший смены промолчал. – Нет, ты чего вот
думаешь, что это я, что ли, сделал?

– Ну, почему сразу ты? Я вот всех собрал,
чтобы нормально, по-человечески поговорить.
Ну, мало ли, забылся кто.

– Ты сам, по ходу, забылся, – психовал Во-
ван. – Меня вызвал? Вызвал. Значит, подозре-
ваешь.

– Ну, подозреваю, – неуверенно сказал
Санёк.

– Так вот, знаешь что, пошёл ты... – Вован
развернулся, вышел со склада и громко хлопнул
дверью.

Санёк не знал, как вести разговор дальше.
Вован, в принципе, сказал за всех. Однако факт
оставался фактом: кошелек у старшего смены
действительно украли, придумывать бы эту
историю он точно не стал. Тогда кто?

– По камерам посмотри, – неуверенно произ-
нёс Валера.

– Да, камер-то там нет, это ж раздевалка. Да
и вообще внизу камер нет, – махнул рукой Санёк.
У него наступила какая-то апатия.

– Не, Санёк, это не я, – нарушил молчание
Игорь. – Ты знаешь, я не крыса.

– И не я тоже, – сказал Руслан. – Может, но-
венький?

Ну, конечно, кто, кроме Руслана, мог ещё это
сказать. Серёга посмотрел на Руслана спокойно
и даже как-то презрительно. Парни затаили ды-
хание, ведь вполне могла начаться драка. Но
нет, этого не случилось.

– Да ты – ладно, – отвлек их внимание Са-
нёк. – Я на тебя и не думаю, ты ж нормальный
парень, иди уже.

Логика Санька была, конечно, странной: откуда он мог знать, что Серёга ни при чём, «при чём» мог быть кто угодно. Но заводить такой разговор без фактов – это, конечно, была ошибка Санька.

– А может, ты, Андрюха, а? Стихоплёт? Тебе ж на опохмел не хватало утром. Да и вообще, не нравишься ты мне. Мутный какой-то, молчаливый.

– Нравлюсь не нравлюсь, – сказал Андрей. – А я никогда ни у кого не крал. Запомнил бы ты это.

Санёк встал, отряхнулся и направился в сторону торгового зала:

– Пойду с охранниками поговорю.

Признаться, после этого разговора уважения у парней к Саньку не прибавилось. Кроме Руслана, конечно: он всегда и во всём Санька поддерживал. Но и настроение у всех ухудшилось: Санёк Саньком, но ведь кто-то действительно крыса. Парни хотели быстрее замять тему, забыть о ней. На их счастье, Макс показал свежую товарную накладную: из-за разговора они задержались, и теперь нужно было быстро собрать огромный заказ.

– Слышали, – прервал тягостное молчание Макс, – новость из Казани?

– Какую? – спросил Андрей. Татарстан напомнил ему о Женьке, и почему-то сразу захотелось услышать.

– Парни девять месяцев строили электростанцию в Иране. Поехали из Татарстана, значит... Это я по телеку утром видел, – зачем-то уточнил Макс. – Работали там каждый день, жрать, говорят, нечего было, ничего не давали. А зарплату, говорят, когда в Казань вернётесь. Ну, вернулись они: «Где зарплата?» А нет, говорят, зарплату. Фирма закрылась, говорят, на которую вы работали, начальника нет в России, да и не начальник он больше. Так что всё, ребят, извините, есть ещё какие-нибудь вопросы?

– Ну, козлы, – нервно засмеялся Игорь.

– А чего? – крикнул Руслан. – Чем они думали в самом деле? Сразу ж было понятно, что обманут.

– Ой, – рассмеялся Макс, – одному тебе всё сразу понятно!

– Невыплата зарплаты – это вообще самый страшный грех, – неожиданно даже для самого себя произнёс Андрей.

– О, да ты коммунист! – присвистнул Макс.

– Мне кажется, рабочий человек по природе своей должен быть коммунистом. Даже если он

ничего не знает о коммунизме и ничего не говорит об этом. Я не представляю себе рабочего-некоммуниста.

– Ну да, я тоже, конечно... – задумался Макс. – Не против тех старых времён.

– Хотите, чтобы Сталин вас расстреливал? – усмехнулся Руслан. – Не живётся вам спокойно.

– Коммунизм – это не Сталин, – спокойно сказал Андрей. – Коммунизм – это справедливость. Одно слово. И всё. Сталин здесь ни при чём.

– Коммунизм – это несвобода, – возразил Руслан.

– Да уж лучше, чем такая свобода, – усмехнулся Макс. – Что, вот мы живём такие, свободные, а жрать нечего.

– Свобода – это ложь, – сказал Андрей. – Её нет. Когда отменяли льготный проезд для стариков, какие-то ещё медицинские крохи, в общем, копейки какие-то, которые государство тратило... Была монетизация льгот, ну помните? – Макс кивнул, а остальные его, казалось, не слушали. – Выступали всякие по телевизору... И говорили, мол, этими льготами мы унижаем стариков – мол, подсовывая ему бесплатный проезд, мы признаем тем самым, что он уже старый, немощный и не способен сам на него заработать и сам его себе оплатить. А может, старику обидно до слёз: я же сам, я могу, мне восемьдесят, а я ещё могу работать, ведь кто не работает, тот не ест. А вы мне тут суετε проездной свой...

– Охренеть, – сказал Макс. – Нет, я не видел.

– Плохо смотрел, – сказал Андрей. – Я, правда, мелкий был, но я всё помню. И они говорили тогда: мы отменяем людям подачки, зато даём им свободу. Это значило: лишаем людей всего. Так что знаете, все эти разговоры о свободе – это просто лёгкий способ снять с себя ответственность.

– Это те же самые, что против Крыма выступают, – кивнул Макс. – Узнаю их.

– Конечно, – кивнул Андрей. – Они были всегда. Вообще, я считаю, что народ должен зарабатывать больше всех, – его понесло, такое случилось, когда Андрей начинал говорить что-то важное, может, болезненно важное для самого себя. – Работа на заводе, работа на предприятии, работа на складе, в конце концов – это всё мучительно тяжелее, чем сидеть в офисах. Быть директором проще, чем быть грузчиком, когда ты директор – ты живёшь, когда ты грузчик – ты мучаешься. Жизнь – это страдания, с утра до но-

чи, за них должны платить больше, чем тем, кто торчит в бизнес-центрах. Народ живёт хуже кого угодно, хуже всех на свете, а ведь это самые достойные люди. Народ должен зарабатывать больше всех, тогда всё в мире будет устроено правильно.

– Ну, ты люби-то нас, но не залюбливай, – усмехнулся Игорь.

Андрей закончил говорить и с удивлением понял, что все внимательно слушают его. Даже Валера, по привычке открывший рот, даже Мишаня.

– «Народ» вообще странное слово, – сказал Руслан и осторожно, словно пробуя слова на вкус, произнёс: – Народили – вот и народ. Как нарост, нарыв.

Макс хотел что-то ответить ему, да не успел.

– Я вам скажу, кто зарабатывает больше всех. – начал Валера. – Мы работали когда-то в крупном таком магазине – косметика, парфюмерия, все дела – в общем, по всей России у них магазины есть. И вот как-то раз говорят нам: приезжает начальник из самой Москвы, значит. Ну, нам, естественно, пофигу, хоть из Москвы он там, хоть откуда, работаем, как работали, а начальство кипишет – бегают как ошпаренные. И вот приезжает красавец. Дай-ка, думает, на склад зайду. Что его угораздило? Бог знает, вот чего ему на складе делать. Зашёл, все парни стоят, на него смотрят, а склад большой там, не то что этот. И ходит между всего этого, а мы видим, какой-то он странный. Расфуфыренный весь, крашенный, одежда какая-то нелепая, розовая вся, колечки какие-то, браслетики, серёжечки, разговор такой по телефону ведёт, тьфу ты. Парни стоят и думают: «Зашваренный, что ли? Господи, какой позор. Сколько честных людей работает вот на такую...» Тьфу ты.

Все смотрели на Валеру, и никто не знал, что добавить. Только улыбались и кивали головой. Валеру называли Президент Колумбии, за то, что однажды в местной газете нашли фотографию этого самого президента и обнаружили удивительное сходство. Фотку немедленно вырезали и прицепили на Валерин шкафчик в раздевалке. Глядя на Валеру, Андрей вновь вспомнил об этом и рассмеялся: Президент Колумбии. Господи, шестьдесят лет мужику. В детстве Андрей всегда думал, что, чем старше человек, тем больше его уважают, возраст – это опыт, солидность, авторитет. Один вид Валеры, трясущегося, с вечно открытым в недоумении ртом, напоминал ему, как мир несправедлив. «Нужно уезжать из Омска», – промелькнула мысль.

– А я просто хочу сменить работу, – беззаботно сказал Игорь, как будто угадав его мысли.

– Да? – спросил Макс. – И на какую же?

– А, не знаю. Приду и скажу: я тяжёлого ничего поднимать не хочу. Есть у вас для меня что-нибудь?

Андрей рассмеялся:

– Так ты никогда никакой работы не найдёшь. На собеседовании так не говорят.

– А как говорят? – казалось, искренне изумился Игорь.

– Там врут. На собеседовании главное – врать. Причём врешь ты и врёт твоя собеседница, как правило, молодая и сексуальная кадровичка.

– О-о-о, – протянул Игорь. – Я уже хочу.

– Хоти, – поддержал Андрея Макс. – Только тебе ничего не обломится.

– На собеседовании все прекрасно понимают, какая мотивация у человека, но это никогда нельзя проговаривать. Правила игры такие.

– Но если я иду из-за денег, почему не сказать: да, я иду из-за денег. Это же честно?

– Свою честность забудь, – сказал Андрей. – Нужно говорить всё что угодно, но не деньги. Скажешь так – проиграл.

– А если не деньги, то что?

– Ну не знаю, карьерный рост, престиж компании, дружный коллектив, копро... тьфу, корпоративная культура. Про личную жизнь вообще нельзя говорить, у тебя её не существует. Не существует и у неё. Ни у кого.

– Но почему так?

– Все притворяются. Условности такие. Личную жизнь оставь дома, на работе ты думаешь только о работе. Ты должен быть позитивным, должен хорошо выглядеть. Хоть тебя жена бросила, хоть мать умерла. Никого не волнует. Смотри, это даже у нас так. Кто поднимается хотя бы на должность старшего кассира, уже начинает: корпоративный дух, нет личной жизни на работе, позитивный настрой. Неужели непонятно, что подними ты мне зарплату на пять тысяч хотя бы – и позитивный настрой сам появится, и желание работать. Вот так и продолжается эта линия, потому она и существует, что каждый, кого хоть чуть-чуть повышают в компании, с новой силой, с новым усердием плодит ложь и фальшь.

– Так что, Игорёк, запомни, – подытожил Макс. – Ложь и фальшь – залог твоего успеха на собеседовании.

– Тьфу на вас, – сказал Игорь.

– Андрюх, – окликнул его Валера. – Ну а как, ты думаешь, должно быть?

– Что должно быть? – не понял Андрей. Он опять ощутил, что ему становится хуже. Энергия дорожки окончательно закончилась. Нужен был Вован, ну или пиво.

– Ну вот, вместо этой лжи и фальши? О которой ты говоришь.

– Я думаю так, – мрачно сказал Андрей, пытаюсь сформулировать, как же он думает. – Работа на складе, ну типа нашей – она должна быть как армия. На один год. Каждый человек обязан по достижению такого-то возраста, ну, в молодости, конечно, проработать год на складе или в магазине грузчиком, комплектовщиком или продавцом. А девушка, допустим, кассиром. И всё. Год проходит – и он об этом забывает навсегда, и ему хорошо, и магазинам: благодаря призывам у них всегда есть сотрудники. Не отчаявшиеся, а нормальные, знающие, что у них вся жизнь впереди.

Андрей был доволен своей мыслью. Он замолчал, ожидая реакции, но то, что услышал в ответ, его удивило – совсем не этих слов ожидал «реформатор»:

– Ну, а чё делать дальше? – спросил Игорь.

– То есть как это? Жить. Нормально, по-человечески жить.

– Ну а работать-то где? Если на складе только год можно.

– Да, – Андрей тяжело вздохнул. – Ну смотри сам... Если ты хочешь связать жизнь со складом, то можешь, конечно, продолжить работать там дальше, никто же запрещать этого не будет. Зато большинство...

Игорь не дал ему договорить:

– Да большинство-то захочет. Куда ему деваться, большинству?

– Да, Андрюх, – сказал Макс, – помнишь, у нас тут один был – промоутер или мерчандайзер...

– Лохматый такой, – вставил Руслан.

– Да, лохматый. Приходил на четыре часа, пару раз в неделю.

– Да, я помню, – кивнул Андрей. – Акция какая-то была.

– Бесячий такой, – Макс вспомнил и аж поморщился. – А ведь чем он бесил-то всех? Именно этим: что он здесь временно, что придёт и уйдёт – и нет его. И жизнь его вот эта потом... ну, о которой ты говоришь. Всё раздражало. Ему до нас никакого дела, нам до него никакого дела. Чистенький весь такой...

– Да, хорошо, что его убрали, – добавил Игорь. – Ира сама догадалась, что толку от него...

За разговорами заказ был собран, Андрей посмотрел на часы и обрадовался: время неумолимо шло к концу смены, как-нибудь доживет. Молчаливый Мишаня схватился за «рохлю», накачал поддон и стал тащить его в сторону подъёмника, Макс отправился выкрикивать Вована, а Андрей решил отправиться во внутренний дворик: давно не курил, да и на складе становилось невыносимо душно, с его лица стекал нездоровый пот, и он радовался, что за этим заказом не было следующего, и появилась возможность передохнуть.

Но едва Андрей вышел во дворик, как забыл сразу же о своих несчастьях – и о тошноте, и о поте, и о рабочем дне – словом, обо всем, как это и происходило с ним всякий раз, когда он видел Женьку. Она стояла возле бетонной стены и, прищурившись, смотрела на него. А он улыбался вовсю:

– Рад видеть тебя, – и тянулся в карман за сигаретой.

– Да что ты, – рассмеялась Женька.

– Серьёзно, серьёзно, – поспешил заверить её Андрей. – Ты меня так радуешь...

На это заявление Женька уже не ответила, она посерьёзнела и вновь отвернулась, посмотрела куда-то в небо.

– Слушай, – Андрей замялся, – куда-то зажигалку дел. Дай прикурить, а?

– Отчего ж не дать? – усмехнулась Женька и протянула ему жёлтую зажигалку «Крикет». Андрей задержал взгляд на её длинных пальцах с красивыми, аккуратными ногтями. Правда, кое-где облупился лак, отметил он, но в этом нет ничего удивительного: работая в магазине, невозможно ухаживать за собой ежедневно. К тому же, Женьку это совсем не портило: в самом деле, какая мелочь – этот дурацкий лак. Андрей чиркнул пару раз, но огонь не загорался, только мелькала маленькая искорка. «Такую бы между нами», – подумал Андрей и посмотрел на Женьку:

– Не работает.

– Кончилась. Давай, прикури от моей, – беззаботно сказала Женька.

Удерживая сигарету губами, она наклонилась к Андрею – Женька была выше него сантиметров на десять, сделала затяжку и неспешно выпустила дым. Зелёные глаза её смотрели прямо в глаза парня, в них читалась

какая-то игривость, как будто она проверяла его: мол, я не против, я знаю, что нравлюсь, но что ты сделаешь, как поступишь, каков будет твой следующий шаг? Андрей не знал – он думал об этом каждое утро, каждую ночь, засыпая, но не знал. Её глаза смотрели на него, и от этого взгляда бросало в дрожь, но Андрей выдержал: он прикоснулся своей сигаретой, грубой, толстой, дешёвой, пахнувшей низко-сортным табаком, к её изящной, ментоловой, с какими-то бабочками, нарисованными на фильтре – и её огонь загорелся на мгновение ярче, медленное горение перекинулось на его сигарету, Андрей затянулся так глубоко, как мог, словно хотел вдохнуть саму Женьку, а не тяжёлый дым. Его глаза смотрели в её – благодарно, и она, улыбнувшись, отодвинулась от него: всё, дальше сам. Он закашлялся и едва не выронил сигарету изо рта.

«Столько прожил, а млею от каких-то школьных сентиментальностей. Глупо-то как. Что ж мне с ней делать?» – подумал он, кашляя.

– Что вчера делала? – спросил Андрей, чтобы начать какой-то разговор.

– Пиво пила, – улыбнулась Женька. – Вот такую бутылку, – она показала в воздухе размер бутылки, – усосала.

– Полторашку?

– Ну, – ответила Женька. – Генку Букина смотрела.

– Одна, что ли?

– Да, я люблю так. Одна посидеть.

– Чего никого не зовёшь в гости?

– Тебя, что ли, звать? – спросила Женька.

– Ну, а почему бы и не меня?

Мимо двери проскочил Руслан и, взглянув на Андрея, громко произнёс:

– Ох, не добегу...

Женька беззвучно засмеялась и даже прикрыла рот ладошкой, хотя Андрей не помнил, чтобы она так делала раньше:

– Вот человек-то, – тихо сказала она. – Что ему нужно для счастья?

Руслан спускался по лестнице, насвистывая какую-то мелодию. В «андеграунде» был туалет.

– А тебе что нужно? – неожиданно спросил Андрей.

– Мне? – Женька смутилась.

– Так, – раздался наигранно грозный голос со стороны двери, и Андрей увидел Макса.

Тот прикурил сигарету ещё на складе и вышел во двор, уже попыхивая крепким «Винсто-

ном» – других сигарет он не признавал. «Удивительная принципиальность у человека», – говорили про Макса на складе.

Вслед за Максом во двор вышла и вся остальная смена: Игорь, Мишаня, Вован с Серёгой, поднявшиеся из «андеграунда» – в общем, всё вполне буднично: собрали тяжёлый заказ, это дело нужно было «перекурить». Подошёл даже Вадим, охранник в чёрном пиджаке – молчал, как обычно, и, щурясь, смотрел на солнце. Не хватало только Санька, который выяснял, не видел ли кто пропажу, и Руслана, у которого были свои дела.

«А всё-таки жаль, – подумал Андрей. – Не вовремя вы, парни». Ему очень хотелось побыть с Женькой вдвоём. Но та уже тушила сигарету о бетонную стену.

– Работать, – грустно объяснила она и ушла.

Её место возле стены тут же занял Вован, принявшийся рассказывать о том, как отпускал заказ. По тому, как он энергично жестикулировал во время рассказа, Андрей понял, что дорожки у Вована ещё остались. Если только тот не оприходовал последнюю. Но спрашивать при всех, конечно, не стал.

Вован закончил рассказ, и наступила тишина, никто не хотел больше ни говорить, ни слушать про заказ. Парни смотрели кто на небо, кто на бетонную стену, кто друг на друга – и отдыхали. Игорь уставился на Вована, широко улыбаясь.

– Фак ю, бич, – весело сказал он.

– Соси кирпич, – возмутился Вован, и все засмеялись.

– Давайте в города играть, – неожиданно предложил Макс.

Парни, бывало, играли в города, сидя на складе, в курилке или во дворике, когда уж совсем было нечем заняться – карты на складе были запрещены, футбол бумажным мячиком требовал активности, а что делать, если все устали, как черти, и ничего, даже думать, не хочется. Других игр никто не знал. Города приходили на выручку в минуты совсем уж полной тоски, когда оставалось высидеть полчаса до конца смены, но вот так, в коротком перерыве между напряжённой работой, никто в города не играл. Поэтому предложение Макса удивило. И все же никто не стал возражать.

– Омск, – первым ответил Андрюха.

– Ах, хитрый-то какой, – засмеялся Макс.

– А мы всегда с Омска начинаем, – заметил Игорь.

– Ну так, – пожал плечами Макс, – от Омска никуда не денешься. Ладно, Киров.

Парни даже не определяли, кто за кем называет города, но интуитивно Вован понял, что его очередь.

– Вашингтон, – выпалил он.

– «Вашингтон», твою мать, – передразнил Игорь. – Ты как нерусский, Вован.

– Пошёл ты. В андеграунде проработаешь с моё, как тебя зовут, забудешь.

– Новгород, – сказал Игорь.

Все вопросительно посмотрели на охранника Вадима, но тот только чуть заметно кивнул головой: мол, я не играю, и продолжил курить.

– Донецк, – сказал Серёга.

– Ты из Донецка? – парни засмеялись.

– Да нет, просто город такой, – стусевался Серёга.

– Скоро такого города не будет, – сказал Макс. – Телек смотри.

– Но пока-то можно? – крикнул Игорь.

– Только осторожно, – Макс повернулся вопросительно к Мишане.

– Комсомольск-на-Амуре, – сказал тот.

– Миш, ну надо выпендриться, – не выдержал Вован. – Вот все парни играют нормально, а тебе надо обязательно вот что-то такое...

– Ну-ну – сказал Мишаня. – Что-то такое что? 77

– Ну что-что, – потерялся Вован. – Ну, Комсомольск-на-Амуре – это что такое?

– Ладно, – не выдержал охранник Вадим, и все повернулись к нему. Он так редко разговаривал, что даже сам его голос казался парням удивительным. – Я скажу.

– Ну, говори, – поторопил Макс. Он быстро входил в азарт, даже от такой игры, как города.

– Елизаветинка, – сказал охранник.

– Елизаветинка? – разочарованно повторил Игорь. – Это что такое ещё? Какая Елизаветинка? Сам придумал?

Охранник посмотрел на него тяжёлым взглядом и затянулся.

– В Казахстане. Я оттуда родом.

– А-а-а, – протянул Игорь. – Ну извини тогда. Я не знал.

– Да, – подхватил Макс. – Мы ж не из Казахстана родом. А вдруг придумал? – Он хитро прищурился.

– Да ну вас, – охранник Вадим демонстративно отвернулся и даже отошёл от парней.

– Ну, Андрюх, твоя очередь, – сказал Макс. – Круг замкнулся.

Андрей почему-то вспомнил урок географии в школе. Вот он стоит у доски и от нечего делать разглядывает на карте неизвестные города. Учительница любила вызвать отвечать и забывать об этом – ей было под восемьдесят, и она говорила, говорила, говорила, не умолкая, а ученик всё стоял у доски и скучал, пока не заканчивался урок. «Садись уже», – заключала она и выходила из класса.

– Антананариву, – сказал Андрей.

– Чего? – произнесли почти что все, и, казалось, даже охранник Вадим повернулся к Андрею и смотрел на него удивлённо.

– Город такой есть, – уточнил Андрей.

– Да ладно тебе заливать, – разочарованно сказал Макс.

Стало ясно, что игра закончилась. Вот что после такого скажешь? Да и докурили уже все.

– Да ты придумал, нет такого города, – сплюнул Игорь.

– Капец, – ругался Вован. – Что ты там сказал вообще?

– Антананариву, – повторил Андрей.

– Где это?

– Ну, где-то, – ушёл от ответа Андрей.

Он пытался вспомнить, где такой город, силится восстановить карту мира в голове, но не мог. «Зачем сказал?» – злился он сам на себя.

– Дмитриевна, – крикнул Игорь. – Есть такой город Анта... Анта, нана.

Во дворик вышла уборщица – женщина под пятьдесят, в очках. Над ней постоянно смеялись, но по-доброму. Она была, признаться, не далёкого ума, а может, в жизни когда случилось несчастье, изменившее её. Она всегда улыбалась – какой-то полубезумной, дурной улыбкой, даже когда говорила о серьёзных вещах. «Блажененькая», – думал Андрей.

– Ой, солнышко! – рассмеялась уборщица, вскинув руки к небу. Она и не слышала или не хотела слышать вопрос. С ней такое случалось: когда она не хотела с кем-то разговаривать, делала вид, что человека просто нет. – Солнышко, как хорошо. Как я рада тебе! Вышло, вышло солнышко!

Игорь рассмеялся и покрутил пальцем у виска: мол, чокнутая, что с неё возьмешь.

– Я все вижу, – пропела уборщица.

– Ну так скажи нам, Дмитриевна, есть такой город Анта... Андрюх, скажи ей.

– Антананариву, – в который раз повторил Андрюха.

– Не знаю такого города, – улыбнулась уборщица.

– Вот видишь, – серьёзно сказал Макс. – Дмитриевна не знает такого города. Значит, нет его.

Он плюнул себе под ноги, словно попрощавшись с собравшимися, и ушёл на склад.

– Слушай, интеллигент, – усмехнулся Игорь, глядя на Андрея. – Ты же реально интеллигент, вон даже бородку отрастил.

Никакой бородки Андрей не отращивал, просто не брился уже несколько дней, потому что бухал. Волосы росли неравномерно, клочками: на щёках, под нижней губой, но особенно на подбородке – отсюда и «интеллигентность». Усы, например, вообще не росли.

– Да какой там, – растерянно шмыгнул носом Андрей.

– Ну ты же не обижаешься, когда тебя так называют? – спросил Игорь. – А то я вообще не хотел, так-то...

– Нет, я только за, – рассмеялся Андрей. – Я вообще хочу, чтобы в курилках супермаркетов обсуждали Достоевского.

Парни заржали, оценив шутку. Сдержанно улыбался и охранник Вадим. Он давно докурил, но стоял, слушал. Внезапно заговорил Мишаня:

– Тебе бы вообще в журнале каком работать, а не у нас.

– Чего? – не расслышал Андрей.

– В журнале, газете, говорю. Внешность у тебя такая. Да и... вообще, – протянул он.

– Убого, – сказал Андрей. – Сейчас СМИ нет. Хотя бы как они все называются: «Слон», «Сноб», «Дождь». Как может нормальное издание так называться? Что, блин, за клоунада? О ком они пишут? О людях? Нет. Сноб – это вообще ругательство. А нет, мол, лучшие люди страны. Ну их, – махнул он рукой, – что мне там делать.

Андрей хотел что-то сказать Вовану, но только сейчас понял, что они с Серёгой уже куда-то ушли. «Как он так, незаметно всегда», – подумал Андрей.

– Слон? – засмеялся Игорь. – Название такое? Это что, типа журнал?

– Ну да, – Андрей не хотел продолжать тему. Мишаня, конечно, попал в точку: когда-то Андрей хотел быть журналистом, но это было очень давно: мечта умерла, и лишь такие вопросы заставляли её выплыть из глубин подсознания. Впрочем, теперь это уже не было мечтой:

ничего хорошего в журналистике Андрей не видел и читал только журнал о футболе. С бутылкой пива было хорошо.

– Вот ушлёпки, – не унимался Игорь. – Люди искусства.

– Они все такие, – добавил Мишаня, правда, было неясно, о ком он. – Я вот по телеку смотрел, что в Италии уборщица выкинула какую-то инсталляцию из мусора, за десять тысяч евро, прикинь? Утром ей говорят: «Убирала мусор? Так вот, выкинула произведение искусства». А она: «Так я думала, это мусор». Десять тысяч евро, прикинь. Из картонных коробок что-то. Чё за мир.

– Дмитриевна, – Игорь вновь вспомнил про уборщицу. – А ты убрала бы?

– Чего? – засмеялась уборщица.

– Инсталляцию убрала бы? За десять тыщ евро?

– Да я каждый день за вами эти... инсталляции убираю. Заказы собрали, раскидали всё, разбросали и пошли. Хоть бы кто складывал аккуратно, нет же. Устала я уже, – вздохнула она, – от инсталляций ваших.

Уборщица перестала улыбаться и тревожно смотрела куда-то вдаль. Игорь увидел, что своим вопросом испортил ей настроение, и ему стало не по себе. Все знали, что у Дмитриевны ситуация – не позавидуешь, горе в доме: парализованный муж, за которым она много лет подряд каждый день, сохраняя терпение, спокойствие, а может, и какие-то другие чувства, более высокого порядка, ухаживала и убирала по утрам и поздним вечерам, потому что в остальное время её не бывало дома, помимо этого магазина, она убирала ещё в двух: на половину и четверть ставки. Наверное, этим глупым взглядом на солнце, неподдельной радостью она хотела защититься от накатывавшего ужаса, от неизвестности или, наоборот, предопределённости – будущего: что хуже в такой ситуации, сразу и не разберёшь.

– Как дома-то, Дмитриевна? – небрежно, стараясь загладить вину, спросил Игорь.

– Да как, – уборщица достала платочек и протерла под глазами, – как, – растерянно повторила она, – сижу с ним и плачу. Сижу и плачу. Делать-то что?

– Помогает кто? – Андрей тоже решил принять участие в разговоре.

– Помогают молодым, – с каким-то отчаянием в голосе произнесла уборщица, посмотрев на Андрея так, что ему стало не по себе. – Молодень-

ким девчонкам, кого хотят – вот тем и помогают. А кого не хотят – так тем никогда не помогут.

Парни молчали, словно пристыженные.

– А мне-то уже пятьдесят, что... Максимум скажут: чего ревешь, дура? – она нервно теребила платок в руках. – Баба ты, и проблемы твои бабские. Ушла бы к другому, говорят.

– К другому, – сказал Мишаня. – Такое странное слово это: «к другому».

– Чего странного-то? – непонимающе спросил Игорь.

– Звучит странно.

– Да обычно звучит. Обыкновенно. Только тебе когда говорят, тогда, конечно...

Уборщица не хотела говорить больше: улыбнувшись, как будто виновато, она торопливо проскользнула в дверь и поспешила вниз, в «андеграунд». «Может, закрыться и плакать? – подумал Андрей и сам себе ответил: – Может». Не зная, что говорить дальше, Игорь с Мишаней поплелись на склад. Андрею не хотелось ничего: он бы лег прямо здесь, на разогретый асфальт, и лежал бы, уставившись в небо, лишь бы никто не приходил, не видел его, не трогал. А потом... когда он отлежится здесь, когда, наверное, кончится смена, остынет асфальт, закроется магазин, пройдет, как несколько кадров, быстрая звездная ночь... Что будет тогда? А это неважно. Что-нибудь будет, и ладно.

Вадим, охранник в чёрном пиджаке, смотрел на Андрея, словно выжидающе, но ничего не говорил. Может, он хотел вместе дойти до склада? Или ещё покурить? Но курить Андрей больше не мог, да и сил стоять не было, захотелось добежать до «андеграунда», до раздевалки, и упасть. «Точно бандит», – думал Андрей, глядя на охранника.

– Тебе, наверное, ведь много о чём есть рассказать, – неожиданно сказал Андрей.

– О таком не говорят, – ответил охранник.

«И правильно, – подумал Андрей. – Не нужно даже самую малость рассказывать о себе, если не хочешь, чтобы знали все. По крупичкам, по маленьким деталям, по историям, которые кажутся тебе незначительными, тебя вытянут всего. Ты станешь прост и понятен, и в какой-то момент обязательно окажется, что больше тебе сказать нечего. Ты всё сказал».

Второй охранник был поживее. Улыбчивый усатый Олег оживлялся, когда видел Андрея в зале, всегда замечал его и подходил.

– Давай помогу, – говорил.

«Ещё один помощничек», – мысленно вздыхал Андрей. Охранник брал из коробки одну упаковку мыла, затем вторую и медленно, словно нарочно, вертел в руках, осматривал и наконец ставил на полку.

Олег любил говорить о футболе: больше на складе было о нём говорить не с кем, кто-то из парней смотрел футбол, но изредка и от нечего делать, единственным настоящим болельщиком был Андрей. Но тот не сказать, чтобы очень любил разговоры – куда интересней смотреть сам матч или читать о нём в журнале, прихлёбывая холодное пиво – поэтому парней не донимал. Да и с Олегом сам не затевал разговоры, но, когда тот подходил, не отказывал. «Пусть потреплется, жалко, что ли», – думал Олег.

– Я вот вообще считаю, что стыковые матчи – это несправедливо. Должны играть сильнейшие команды, – Олег начинал спорить, когда Андрей ещё не понимал, о чём идёт речь. – Вот на чемпионатах мира всякие Алжиры играют, Тунисы играют, Новая Зеландия даже играет...

– «Антарктида» скоро играть будет, – добавил Андрей.

– «Атлантида», – поправил Олег. – Это точно. А наших там нет. А почему? Разве они слабее? Нет, конечно, они этот Тунис выносят в одни ворота, и Новую Зеландию, если надо, вынесут. Но ФИФА так хитро распределяет места, что Новая Зеландия там всё равно будет, для неё отдельное место, а наших там всё равно не будет.

– Это континентальный лимит, – ответил Андрей. – Если бы играли действительно сильнейшие, это был бы чемпионат Европы, а не мира.

– Ну так, может, это более справедливо, – прищурился Олег. – Играть должны действительно сильнейшие, и нельзя только по территориальному принципу... Отнимать места у сильных команд, чтобы отдавать их слабым. Просто чтоб они там присутствовали. Чемпионат теряет в зрелищности, спортивный принцип попирается...

– Ну, чемпионат, допустим, в зрелищности не теряет, – сказал Андрей, – особенно без нашей сборной. Она туда при любом раскладе не пробьётся.

– Ну почему, пробилась же и пробьётся ещё.

– Сейчас повезло просто. А встретятся с Новой Зеландией – всё, везение закончится.

– Да ну тебя, – Андрей как-то сник.

В разговорах о сборной им никогда не удавалось прийти к общему знаменателю: Андрей,

хоть и болел за неё, но никогда не верил, что она чего-то добьётся, Олег, напротив, был убеждён, что наша сборная сильнее всех на свете, но козни ФИФА, судей, соперников, календаря и турнирной сетки вечно мешают ей продемонстрировать свою истинную мощь.

– Ну ладно, – Олег немного помолчал. – А слышал, УЕФА запретила финалистам кубков играть в Лиге Европы?

– Это как, то есть – запретила? – не понял Андрей.

– Ну раньше правило было: если кубок какой-то страны выигрывает команда, которая и так играет в Лиге Европы или вообще в Лиге чемпионов, то от страны образуется свободное место, и занимает его как раз финалист кубка, а если и финалист тоже, так и полуфиналист. То есть какому-то клубу из второго или первого дивизиона было иногда достаточно в полуфинал выйти, и всё – можно праздновать попадание в Европу.

– Ага, так «Сибирь» когда-то попала, – кивнул Андрей.

– Ну, «Сибирь» – она в финале играла, на минуточку, – Олег сделал паузу. – Но вот сейчас, по новым правилам, она не попала бы.

Андрей задумался. Он любил футбол как игру возможностей, где слабый может победить сильного за счет воли, за счет желаний, и часто смотрел игры команд-«карликов», желая им победы. Если команда поднялась из самых низов, как в Англии, где любая дворовая команда может в кубке встретиться с «Манчестер Юнайтед» и даже обыграть его, как в России, где тот же «Иртыш» из Омска никогда не поднимется выше первого дивизиона, но может наделать шороху в Кубке – и дошла до финала, она – как казалось Андрею – имела право на чудо. И вот теперь её этого чуда лишали. Новость Андрею не понравилась.

– А кто играть-то будет? – спросил он.

– Да известно кто, – засмеялся в усы Олег. – У кого денег больше. Пятые, шестые места.

– Наверное, они и проплатили это решение, – сказал Андрей. – Жалко. Вот где спортивный принцип на самом деле попирается.

– Не-не, – неожиданно замотал головой Олег. – Зато действительно будут играть сильнейшие.

– Будут играть каждый год одни и те же команды, – сказал Андрей. – И что, хорошо это? Европейский футбол превращается в закрытую лигу, где играют только команды, у которых есть бабки, сами с собой. Раньше был хоть какой-то

шанс их обыграть, навязать борьбу, а теперь даже доступ к этому закрыли.

– Ну как, закрыли, – сказал Олег. – Выигрывай кубок, всего и делов-то.

За этими разговорами, за выкладкой продукции, редкими консультациями покупателей, походами на склад, чтобы набить тележку новыми и новыми коробками, да собственными невеселыми мыслями – скорей бы конец рабочего дня, чтобы доехать до дому и упасть, предварительно, конечно, купив полторашку крепкого пива, прошли несколько часов, которые Андрей не заметил, и лишь когда Олег, после очередного подхода к нему и какого-то бестолкового спора, открыл единственное окно в торговом зале, замазанное отчего-то белой краской, Андрей с удивлением понял, что на улице вечер, взглянул на часы: и правда, ещё каких-то два часа и конец смены. Он посмотрел на Олега и улыбнулся настолько широко, насколько умел.

– Эй, ты чего? – опешил Олег.

– Да так, – махнул рукой Андрей и неспешно отправился на склад, прислонив к стене тележку с пустыми коробками. – Всё отлично.

Попав снова на склад, Андрей удивился: у парней, казалось, совсем кончилась работа. Видимо, все заказы собрали, а в зал с полупустыми полками, несмотря на несколько часов работы Андрея, никто выходить не спешил. Макс с Валерой разрывали коробки и складывали их в одну кучу, остальные просто сидели на поддонах и что-то обсуждали. День прошёл не так страшно, как казалось утром. Вот только не было бы этого дикого похмелья, да ещё и желания спать.

– Вот мы тут обсуждаем, Андрюх, – начал Макс. – Кем бы ты стал, если б поднялся?

– В смысле – кем? – не понял Андрей.

– Ну то есть каким? Вот у тебя появилась бы куча денег, что просто девать их некуда. Машина, квартира, все дела. Можешь позволить себе всё, что захочешь.

– Пряма-таки всё? – Андрей, казалось, не мог даже поверить в такую возможность.

– Ну да, бабы, наркотики, – сказал вдруг Игорь и замялся, не зная, как продолжить.

– Ну и что?

– А то, – сказал Макс. – Кем бы ты стал? Общался бы с пацанами по-старому или забил бы на всех, типа, у меня теперь новый уровень, новая жизнь, новые дела. Понтовался бы?

– Это... типа с вами, что ли? – спросил Андрей.

– Ну почему сразу с нами, – рассмеялся Макс. – С нами – оно и так понятно. Со своими пацанами. У всех ведь есть свои пацаны.

С этим Андрей согласился. У него, конечно, были свои пацаны, пусть и немного не в том понимании, которое вкладывали Макс и компания. Но ведь были же... Да и вопрос, конечно, интересный. Нет, вряд ли ему когда-то предстоит его действительно решать, но представить, пофантазировать ведь можно. А всё равно – не получилось.

– Слушайте, я не знаю, – честно сказал Андрей. – Конечно, лучше всего сказать, что я никого не бросил бы, всем помогал, что вообще... старый друг лучше новых двух и так далее. Это вообще сказать проще простого.

– Ну да, – согласился Макс. – Вон Игорёк так и сказал. Да и Вован из «андеграунда».

– А я не скажу, – сказал Андрей, – потому что я не знаю. Если я поднимусь, тогда всё будет по-другому. Жизнь – она ведь не такая простая. Пока не окажешься там, не поймёшь.

– Это да, это да, – повторял Макс. – Ну, хотя бы честно.

В памяти Андрея невольно всплывала его прошлая жизнь – где он, ещё до переезда в Омск, работал в офисах, общался совсем с другими людьми, да и вообще по-другому на всё смотрел. Светлее, что ли, ярче. Там тоже были свои пацаны. На какое-то мгновение он зажмурился, и тут его прорвало:

– Один был, друган мой, года три назад. Пили «Ягуар» с ним у меня в подъезде. Ночами. Глушили страшно. Он не знал, как жить. Я не знал, как жить. Мы понимали, что «Ягуар» – дерьмо, и глушили его от отчаяния, как будто хотели показать себе, на какое дно мы опустились. И опьянение с него было каким-то отчаянным...

– А чего, «Ягуар» – нормально, – встрял Руслан.

– Нет, теперь только пиво, – задумчиво сказал Андрей. – А потом... Потом он как раз резко поднялся. Не знаю уж как. Но поднялся круто, на какие-то вообще недостижимые высоты. Сейчас у него гостиницы – в центре, в нескольких городах. Всех вокруг считает даунами. Ну, у кого денег мало, кто так и остался там, в подъезде, «Ягуар» пить. А он «В контакте» в группе состоит «Жизнь на Олимпе». Я посмотрел – закрытая группа. Что ему, видно меня с Олимпа? Хотел ли он меня предавать, бросать? Думаю, нет, конечно. Дело в другом... Вот он радуется, если мы

видимся – он встречается со своим прошлым, из которого когда-то удачно вынырнул, и ему хорошо. Для него это как трип.

– Как что? – переспросил Руслан.

– Ну, как приход, – пояснил Игорь.

– А-а, ну это вам виднее, ребята, – рассмеялся Руслан.

– А я встречаюсь со своим когда-то возможным будущим, которое уже не наступит. И он говорит мне: «Ну ты приезжай, для тебя, старого друга, номера всегда найдутся». И руку мне жмёт. Но сразу уточняет: «Если это не в выходные, если наплыва посетителей не будет. Ну а если кто забронирует, – тогда уж извини». Там номер стоит тыщи две рублей, даже я, грузчик, могу его себе позволить. А он так... считает прибыль. Дружба дружбой, а прибыль-то важнее. Но он этого сам не понимает и не поймёт никогда. Он просто по-другому мыслит, там другой мир. А вы говорите: каким бы ты стал... Да кто знает. По мне, так лучше бы сразу сказал: пошёл ты, мол, Андрюха, так и так...

– Ну да, – задумчиво произнёс Макс. – А с другой стороны, не будь он таким, он разве поднялся бы?

– Не знаю, – раздражённо сказал Андрей. – Мне кажется, что всякий мечтает подняться, только чтоб унижить других. Не так, чтоб прямо, а косвенно. Ведь это так просто – помочь старым друзьям. Деньгами, работой, связями. Но нет. Именно это и нужно – дистанция. Я поднялся, а ты нет. Вместо дружбы приходят новые отношения, которые держатся уже на этом. Для того чтоб было видно, как ты поднялся, нужен друг, который остался в подъезде, всё так же пьёт «Ягуар». Мне вот снилось на днях, что я попадаю в прошлое, в какой-то заброшенный дом, лет на семь назад – мы тогда любили по всяким недостроенным зданиям шариться – и вижу его. И мы так рады встрече, но он не знает, он думает, что я – это тот я, что был тогда, много лет назад. А я говорю ему: мол, так и так, я из будущего. А он говорит: «Чем докажешь?» Я достаю монетку, десять рублей, и показываю ему год. «Да ладно, – он говорит, – это развод какой-то, кончай прикалываться». А мне так обидно стало, я вижу его тогдашнего, лучшего друга своего, и говорю ему: «А знаешь, в будущем этого всего нет. Тебя нет». Он говорит: «Как такое может быть?» – «А вот так. Придёт время, и я для тебя перестану существовать. Разведёт жизнь по разным дорогам».

– А как ты вообще попал в прошлое? – неожиданно спросил Макс.

– Машину времени нашёл, – серьёзно ответил Андрей. – Она в том же здании была. Я потом так и говорю другу своему: «Ну всё, я поехал. Я ж теперь грузчик в Омске».

Пацаны рассмеялись.

– Эй, прикиньте, – неожиданно раздался голос за спиной.

Андрей обернулся и увидел Вована с Серёгой. Те, по всей видимости, расправились со всеми заказами внизу и наконец-то вылезли из «андеграунда». Голос Вована был взволнован. В руках он держал телефон и размахивал им во все стороны:

– У Витька мать умерла, – наконец выдавил из себя Вован.

Витёк был странноватым парнем, вечно неопрятным, придурковато выглядящим, любившим не совсем понятно пошутить, много пил, из-за чего пропускал часто смены и был первым претендентом на увольнение. Но его все любили, потому что он был добрым и простым: всегда помогал парням, угощал, если есть деньги, подвозил до дома. Он ездил на машине, все знали, что у Витька непросто с женщинами, он жил один с матерью, в однокомнатной квартире где-то на Третьем разезде, в старых домах. Сегодня у Витька был выходной.

– Да, – мрачно сказал Макс, – совсем парень один остался. А ты как узнал-то?

– Да Витёк статус поставил, на посмотри, – Вован протянул телефон.

– Статус «В контакте», что ли? – не поверил своим ушам Андрей.

– Ну да, – подтвердил Макс.

Андрей взял в руку телефон. Да, всё так. Вот, практически на весь экран огромная фотка Витька, счастливого, обмотанного скотчем на складе, с бутылкой пива в руках, с красными глазами – на заднем фоне ржут пацаны, а вот, рядом статус, как раз под его именем – маленькими черными буквами: «Мама умерла((((((((((((((((((((».

Андрей отдал телефон Вовану.

– Это какая-то жесть, – медленно сказал он. – Когда умирает мама, первым делом ставить «В контакте» статус. Да ещё эти смайлики.

– А чего? – откликнулся Руслан. – А в чём проблема? Ты бы что сделал? Ведь мама. Грустно же?

Андрей не знал, что ответить. На мгновение он подумал: «Мало ли, шутят?» Но нет. Никто не стал спорить с Русланом.

– Человеку надо поделиться. Один же, – сказал Макс.

– Ну да, мог позвонить, конечно, – Вован, казалось, тоже разделяет недоумение Андрея по поводу статуса.

– Ну, вот ты и позвони ему, – сказал Руслан. – Скажи от нас от всех: «Парни соболезнают».

– Эй, – громко хлопнула дверь на склад, и вошёл Санёк. Все сразу вспомнили об истории с кошельком, и настроения это никому не подняло. Как ни смейся над ситуацией, что ни думай про Санька и его закидоны, но ведь кошелек действительно пропал. Значит, и крыса есть. Но на кого думать? Все ж свои парни. Наступило молчание.

– Пошли в картишки перекинемся, – радостно сказал Санёк, доставая из кармана колоду.

– Да ты чё, – удивились парни, – нельзя же.

– Ну, если старший смены предлагает, – протянул Санёк, – значит, можно.

– Даже нужно, – поддакнул Руслан, и парни косо посмотрели на него.

– Пойдём только в угол, там камера сломалась, – поведал Санёк. – Я ж у Ирины сейчас был, смотрю: изображения нет со склада. Отовсюду есть, а вот из этого угла нет. «Сломалась», – говорит.

Парни не спеша отправились в дальний угол склада. Там действительно было укромное место, невидимое для тех, кто идёт из зала в курилку, во дворик или «андеграунд». Если только не знает, что кто-то играет там в карты.

Краем уха Андрей услышал, о чём говорят Вован и Серёга.

– Шёл домой, уже ночью – мы в гараже за сиделись с отцом, а он ещё там остался. Я бутылочку пива взял и иду себе домой спокойненько.

– Ну-ну, – торопливо кивал головой Вован.

– Ну и чё, смотрю, у меня во дворе прям, напротив подъезда, возле ракушки, несколько парней бабу бьют. Так натурально за волосы хватают и об колена, по хлебальнику – в общем, серьёзно так, без шуток. Она вопит, в грязищи вся, орёт истошно: помогите, мол, избивают. Ну я подхожу, говорю: «Пацаны, чё за дела? Охренели, что ли, совсем?»

– Ну и тут тебе кранты, да? – предположил Вован.

– Да ни фиги. Какие там кранты. Я бы их... Ну, в общем, я их немного знаю, кто они, откуда. Думаю, справился бы.

– Так и чего тогда?

– А она, говорят, изменила. «Кому?» – говорю. «Да его нет здесь. Парнишке одному», – назвал он. Я его не знаю.

– И ты чё?

– Ну а я говорю ей: «Правда?» Она кивает: правда, мол. Я говорю: «Ладно, пацаны. За дело».

– Ты чего? – встрял Андрей. – Правда?

– Ну да, конечно правда. Чего я тебе, сказки буду рассказывать?

– Бабу избивать – это вообще как-то мерзко. А тем более гопой.

– Ну так а чё с ней делать? – раздражённо спросил Серёга.

– Андрюх, – громко прервал их Санёк, раскладывая колоду. – Ты чего же, опять накурился?

Санёк иногда делал какие-то совершенно странные предположения, для которых не было причин. То ли просто шутил так, то ли хотел докопаться, то ли просто брал на понт. То ли выполнял задание руководства: выяснить, у кого какие слабости.

– С чего вдруг? – опешил Андрей.

– Да ты глаза свои видел? Да и вообще ты как-то странно выглядишь. Пришибленно.

«Сам ты выглядишь пришибленно, придурок», – едва не сказал Андрей, но сдержался.

– Да он вообще частенько, – ляпнул Руслан. – Да, Андрюх? Любитель дунуть.

– Да что ты говоришь, – раздражённо ответил Андрей.

– Ну скажи нам, как часто ты это делаешь, – гнул свою линию Санёк. Он уже перемешал колоду и медленно, словно вкладывая в действие какой-то сакральный смысл, раздавал карты.

– «Как часто я это делаю», – передразнил Андрей. Парни засмеялись.

– Ну вот скажи нам, зачем ты приехал из Ленинграда? – не унимался Санёк. – Как тебя в Омск вообще занесло?

– Переехали с родителями. Им надо. Да и я ж приезжал раньше, в детстве бывал. Город знаю. Друзья, опять же, остались.

– И чё ты, всегда здесь будешь жить?

– Не знаю, – Андрей пожал плечами. – Надо будет, всегда буду жить.

– И как тебе Омск? – вставил свои «пять копеек» Игорь.

Андрей не очень хотел говорить про этот город, который ему, в общем, не очень-то нравился. Он жил напротив частного сектора, где люди обитали в домах без воды и газа, с деревянными

туалетами во дворах, и каждый день по несколько раз отправлялись с тяжёлыми флягами на колонку, где подолгу курили в очередях. Казахи жгли костры прямо посреди улиц, домохозяйки выливали сюда же помои, наркоманы шатались от дома к дому, разбрасывая шприцы, алкоголики – швыряли себе под ноги бутылки. И, конечно, пыль, крошечная пыль везде. Родители рассказывали ему, что Омск когда-то называли «городсад». Но оказалось, что людям доплачивают, добавляя какие-то копейки в зарплату, за то, что они просто здесь живут.

– Пыльно, – ответил, подумав, Андрей, – и ещё все на тебя пялятся. В маршрутке сидишь, а все тебя разглядывают. Не очень приятно.

– Да, – рассмеялся Макс, – невысокого ты мнения об омичах.

– Ну, почему, – сказал Андрей, – о вас я нормального мнения. Но если людей не знаешь... Кажется, что все друг друга напрягают, всем в этом Омске тесно.

– А в центре как? – поинтересовался Игорь.

– На Питер похоже.

– А «Грот» тебе нравится?

– Гроб? – переспросил Андрей, вспомнив Летова.

– Да какой гроб, – рассмеялся Игорь. – «Грот».

Андрей вспомнил, что ему как-то раз давали послушать местных рэперов. Те плевались слюной и махали кулаками – вот всё, что было в их текстах. Они призывали убивать всех, кто бухает. Право на существование, по их мнению, если не во всем мире, так в Сибири уж точно, имели только крепкие парни, посещающие тренажёрный зал, и девочки, которые с ними спят. Эта группа была известна и за пределами Сибири – пожалуй, единственная такая. Вспомнив, Андрей поморщился.

– Это не музыка, – сказал Андрей. – Это бандиты.

Игорь рассмеялся:

– Ну ты даёшь.

– А чего, я вообще не понимаю этой агрессивной борьбы с алкоголем. Вот я захочу со своей девушкой выпить вина, отпраздновать день нашей встречи. Допустим. Или пива попить под футбол – ну люблю я так, что, я алкаш теперь? Да и вы все любите. Что, нас убивать теперь за это?

– Ну они, конечно, это... – Игорь замылся. – Перебарщивают. Но пацаны нормальные, качают. Саунд чёткий.

– Разве что саунд чёткий, блин, – зачем-то повторил Андрей.

– Слушай, – вступил Серёга. – А ты ведь стихи какие-то пишешь.

– Ну да, – вяло подтвердил Андрей. – Случается.

– А много написал-то?

– Да тыщи две.

Макс присвистнул: ни фиги себе.

– Слушай, – сказал он. – Может, когда-нибудь в Омске твоим именем улицу назовут, а? Каково? Станешь великим писателем...

– Да я ж это, – отмахнулся Андрей. – Только стихи.

– Ну всё равно, – сказал Макс. – Поэтом, значит.

– А прочти что-нибудь, а?

Андрей очень не любил этот вопрос, но уже был готов к нему. И вот, Серёга его задал.

– Да не хочу я читать, – быстро, словно скороговоркой, ответил Андрей и замолчал.

– Хочет-хочет, – подмигнул Вован. – Просто стесняется. И правильно, не надо здесь ничего читать. Никто не врубится.

Удивительный человек Вован, подумал Андрей. Вроде совершенно из другого мира, а всегда почему-то понимает его. Как будто чувствует. И Андрей его – тоже. Может быть, так людей объединяют дорожки? Не зря же они так называются. Дорожка – она как тропинка: от одного человека к другому, от разума к разуму, от сердца к сердцу. От тебя – ко мне. «Что за чушь», – мысленно разозлился сам на себя Андрей.

– Мягкий ты человек, – сказал Вован.

– Ох, это точно, – засмеялся Санёк. – Мягкий ты человек, Андрюха. Нет у тебя чувства «рохли», – добавил он, рассматривая свои карты. – Ну чего, пора играть. Что тормозим?

Андрей хотел что-то ответить – не про карты, конечно, а про чувство, но Вован опередил его.

– А чё с кошельком? – спросил он Санька.

– Да, нашёл я его. В машине оставил.

Санёк кивнул на карты: мол, давай играй. Парни некоторое время молчали.

– Вы чего тут?

Андрей обернулся первым и увидел Ирину, руководителя магазина. Парни повскакивали со своих мест, кто-то запихал карты в карманы рабочей формы – выглядело это нелепо. Санёк, понимая это, не стал суетиться и спокойно сказал:

– Ирин, на самом деле работы нет у парней. Думали, сегодня сложный будет день, да вот... Ну и до конца смены осталось – всего ничего.

– Саш, – только и сказала Ирина, развернулась и ушла.

Парни молчали.

– Ну что, продолжаем? – пошутил Руслан, но сразу понял, что неудачно.

– Это означало, – Санёк кивнул в ту сторону, куда только что ушла Ирина, – чтобы вас всех здесь не было. Быстро.

Вован взял коробку и, насвистывая, потащил её в зал. Макс схватился за «рохлю» и куда-то покатил. Руслан вертел в руках пыльный флакон и бормотал: «Протереть надо». Парни расходились, создавая иллюзию работы. Андрей думал, чем бы ему заняться, но тут к нему неожиданно обратился Серёга:

– Пойдём вниз, а? Поможешь.

– Да без базара, – откликнулся Андрей, и они поспешили вниз.

– Чего хотел-то? – спросил он, когда сообразил, что они с Серёгой пришли в раздевалку.

– Да ничего, расслабься, – серьёзно ответил Серёга, нажал пару кнопок на телефоне, и на всю раздевалку загремел раскатистый голос Высоцкого:

*Как давно снятся нам только белые сны,
Все другие оттенки снега занесли.
Мы ослепли давно от такой белизны...*

– Тише сделай, – сказал Андрей. – По всему «андеграунду» слышно.

Серёга убавил звук, положил телефон на стул, открыл свой шкафчик и достал огромную пластиковую бутылку с пивом – два с половиной литра – и два пластиковых же стаканчика.

– Ого, – лицо Андрея расплылось в улыбке.

Пива в бутылке было ещё достаточно: рабочий день завершался отлично.

– Тёплое, правда, сука, – сказал Серёга, разливая по стаканам.

– Это ничего, – радовался Андрей. – Это фишня.

Он вспомнил, как весь день хотел поговорить с Вованом, попросить ещё дорожку, да всё что-то мешало. А теперь он совершенно об этом не жалел: пиво ему нравилось больше. Сейчас, ещё пара каких-то минут, и настроение поднимется, и запузырится в голове счастье, побегут по извилинам мысли, оживёт и оттаёт сердце, отступят страх и тошнота.

*Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день.*

– Слушай, – Андрею почему-то очень захотелось задать этот вопрос, который он когда-то давно где-то вычитал. – А вот как ты думаешь, Жеглов должен был подбрасывать Кирпичу кошелёк?

– Конечно, – Серёга ответил не раздумывая.

– Ну а как же... – начал Андрей.

– Да какой как же, – отмахнулся Серёга. – А как их ловить ещё? На, пей, – он протянул стакан с пивом.

В голове Андрея неожиданно сверкнула молнией мысль: кошелёк – Санька! Вдруг тоже подкинули? Вдруг он не забывал его? Но мысль утонула в пиве, которое он жадно залил в глотку. Да и пофигу ему было на самом деле.

– Ну как тебе работа? – спросил Андрей, чтобы что-то спросить.

– Работа как работа, чего о ней говорить, – осушив стакан, Серёга уже наливал новый. – Ну а с бабами у вас тут хорошо. Много классных.

От стаканчика пива, который удачно лег на бессонную ночь, утреннюю дорожку и похмельные мытарства долгого дня, Андрея внезапно потянуло на откровенность.

– Мне вот Женька нравится. Хорошая баба, – выпалил он, не ожидая сам от себя этих слов.

Серёга не стал ничего говорить. Они снова выпили, и Серёга спрятал бутылку в шкафчик.

– Парням оставим, – сказал он.

– Откуда пивко-то? – спросил Андрей. – Когда успел?

– Сходил, – коротко ответил Серёга. – Ну а как первый день, и без проставы? Смена закончится, ещё выпьем.

Андрей согласно кивнул.

– А по поводу Женьки я тебе вот что скажу, – неожиданно вернулся к теме Серёга. – Нельзя любить женщину, если не любишь жизнь.

Андрей вздрогнул: он никак не ожидал услышать чего-то подобного.

– Как это? – спросил он.

– Ну как, – ответил Серёга. – Делай, что должен, живи, как знаешь. И всё, что нужно, само к тебе придёт. Будь бодрей. Не кисни, – он засмеялся. – На радуге зависни.

«Рыжий оказался нормальным парнем», – подумал Андрей.

– Ну а тебе какая нравится? – спросил он.

– Мне? – задумчиво протянул Серёга. – Да я ж женат, куда мне.

– Женат? Ну ни хрена себе, – изумился Андрей. – Тебе лет-то сколько?

– Да тридцатник уже.

– Надо ж, как внешность бывает обманчива, – сказал Андрей. – Я думал, ты школу вчера закончил.

– Да, нас, грузчиков, не поймёшь, – рассмеялся Серёга. – От двадцати до тридцати – возраст у всех одинаковый. Даже если тебе тридцать пять.

– Ну, ты-то грузчик со стажем, – сказал Андрей. – Первый день в жизни.

– А у меня вот несоответствие, – Серёга как будто не заметил подкола. – И жену люблю, и всякое там, знаешь... ну в постели, это самое, хочу.

– Ну так а в чём проблема? – спросил Андрей. – Жена надоела?

– Не в этом дело. Не могу я с ней, понимаешь. Она как родная. Сначала, пока не была родной, всего хотелось. А теперь вот – стала, и думаешь: нежности надо, то, сё. А вот в койке отрываться – так это с другими бабами. Но с другими как? Я же жену люблю, – он пожал плечами.

Андрей замолчал. Ему вспомнилась Женька: «Интересно, где она сейчас, надо бы найти её». «Она как солнца свет, ей тридцать восемь лет, кругом глухие стены», – часто пел он в мыслях строчку из «Сплина», заменяя только возраст. «Женька, Женька, тонкая, как струна», – сокрушался Андрей. Он писал стихи, да. Ну и что? Написал около двух тысяч. У многих поэтов за всю жизнь столько не было. А толку-то? Дурацкие все они. Он вспомнил, как смотрел вчера её статус «В контакте»: «Я счастлива». Так ли? Надо спросить. Он хотел, чтобы Женька была счастлива. «Будь бодрее, – заиграли пивными пузырьками в голове слова Серёги, – и всё придёт».

«День почти кончился, буду сидеть в курилке, на стуле, пока она не появится, не придёт курить. Буду ждать её», – думал Андрей. Серёге кто-то позвонил на мобильный, и, пользуясь моментом, Андрей вышел из раздевалки, схватив зажигалку, Серёга кивнул, и тихо закрыв за собой дверь. Полутёмный «андеграунд» – кто-то из парней заботливо выключил свет – зиял пустотами. Завтра здесь всё будет уставлено

поддонами, коробками – придёт большая поставка, ну а сейчас – как будто умерло всё. «Словно замерло всё да рассвета», – вспомнилась ему строчка из песни. Одинокая «рохля» с приподнятыми «лапами» стояла возле подъёмника. «На хрена было накачивать? – недовольно подумал Андрей. – Заняться кому-то нечем».

Он поднялся по лестнице в курилку, сел на стул и прикурил.

– Сигаретешка моя, – задумчиво сказал он, глядя на дымящуюся сигарету. Другие мысли в голову не шли.

«Парни пошли в зал, наверное, – думал Андрей. А он там и так полдня провёл. – Всё, хватит. Больше не притронусь сегодня ни к чему».

Чутьё не обмануло Андрея. Наконец, Женька пришла. Она присела напротив него и, чуть наклонив голову набок, прищурилась:

– Чего сидим?

– Да так, – ответил Андрей. Его сигарета догорала, но уходить он не собирался. – Устала? – спросил он.

Женька кивнула. Разговор не клеился. Всё, что он мог бы сказать ей сейчас, казалось ужасно глупым, ничего толковое на ум не шло, а просто взять и выпалить: «Ты мне нравишься!» – Андрей, конечно, не мог. Да она и так это знала, Женька.

– Слушай, – прервала она молчание. – А ты же стихи пишешь?

– Ещё одна, – наигранно возмущился Андрей. – Серёга мне сегодня покоя не давал.

– Напиши мне посвящение, – словно не слыша его, сказала Женька.

– Посвящение? Я? Тебе? – он совершенно не был готов к такому разговору.

– Да, ты – мне, – улыбнулась она. – Мне никогда никто не писал посвящения, представляешь?

– Даже в школе?

– Даже в школе, – подтвердила Женька.

– Странно, за тобой, наверное, толпы ходили, – предположил Андрей, – и неужели ни одного...

– Я ж в деревне росла, в Татарии, – улыбнулась Женька. – Да и вообще, я была приличной девочкой. До девятнадцати лет не целовалась, представляешь?

– Ты серьёзно? – рассмеялся Андрей.

– Ну так чего? – затянулась Женька. – Напишешь?

– А ты понимаешь, что такое посвящение? – спросил Андрей.

– Ну да. Ты напишешь, какая я хорошая, красивая там, – она смущённо улыбнулась. – Мне на кассах этого никто не говорит.

– Понимаешь, – начал Андрей, – посвящение – это не обязательно так. Не обязательно я пишу, что ты меня очаровала. Оно вообще может быть не о тебе, а о чём-то другом. О природе или ещё о чём. И тебя в нём совсем не будет.

– Это что ж за посвящение тогда? – удивилась Женька.

– Посвящают источнику вдохновения. Например, ты вдохновила меня на создание чего-то красивого, хорошего, ну, например, написание стиха. И в благодарность я его тебе посвятил.

– Вдохновила чем? – казалось, она теряла интерес к разговору.

– Ну хотя бы тем, что просто сидела рядом, – сказал Андрей и только теперь понял, какую сделал глупость, пустившись во все эти никчёмные объяснения. Ну что с того Женьке, как пишутся посвящения? Зачем ей вообще это знать? Женщина захотела, попросила его – значит, просто нужно было сделать. «Ну что ж ты за дурак-то», – подумал Андрей. С другой стороны, ну написал бы он его. А как читал бы? Встав на коробки, на складе, при всех? Или украдкой передав скомканную бумажку, когда она будет проходить мимо. У неё даже не было компьютера, говорила Женька. Всё на ребёнка, все деньги.

– Открой, пожалуйста, дверь, – попросила Женька. Хоть и сидела ближе к двери. Наступал момент истины, по крайней мере всего сегодняшнего дня – для него, Андрея, – минуты счастья, ради которых стоило терпеть весь предстоящий день: он и Женька были вдвоём, одни. Но он уже знал, что упустит момент, потеряет. Счастье испарялось, ускользало вместе с тем, как тлела сигаретка в изящных руках Женьки, и казалось, только он откроет дверь, как счастье выпорхнет на улицу, и Женька встанет, сделает пару глотков свежего воздуха и отправится считать деньги на кассу.

На улице лил дождь и было темно. Силуэты корявых деревьев, торчащих из-за забора, настраивали на унылый лад.

– И по этой погоде идти домой, – не выдержав, произнёс вслух Андрей.

Где-то вдали сверкнула молния, и раздался раскаты грома.

– А я боюсь грозы, – задумчиво сказала Женька. – Знаешь, как боюсь. Я в детстве под кровать пряталась.

Андрей засмеялся: как-то ему стало по настоящему тепло, как только он представил маленькую Женьку, которая прячется под кровать. Всё-таки он сентиментален. «Нет в тебе, Андрюха, чувства рохли», – внезапно всплыл в памяти голос Санька, но Андрей быстро прогнал его.

– Не бойся, – попытался он пошутить, – я с тобой.

– В грозу хорошо влюбляться, – сказала Женька и повернулась к нему. – А ты влюблялся когда-нибудь?

«Да. Мне кажется, сейчас!» – хотел закричать Андрей, но удержал себя от этого.

– Поехали в Крым. Он теперь наш, – предложил он.

Такие вещи говорятся проще: ведь понятно же, никто никуда не поедет, просто так, для красного словца. Сказать: «Я влюбился» гораздо сложнее – потом не «отмажешься», не скажешь, что просто шутил.

– В смысле наш? – не поняла Женька.

– Наш с тобой, – улыбнулся Андрей. – Да шу-чу я, ты чего новости не смотришь?

– Да какой мне. У меня маленький, вот и все мои новости... Смешной ты, – добавила она и затушила сигарету.

Дверь на склад с шумом распахнулась, впуская громкую и неприятную музыку. «Уж лучше Высоцкий», – вздохнул про себя Андрей. И сразу несколько девушек с кассы, а вместе с ними старший кассир Светлана направились в курилку. Раздался и мужской голос: Андрей узнал Санька, старшего смены.

«Вот так и окончился наш разговор», – с грустью подумал Андрей. Не дожидаясь, пока вся компания появится в курилке, Женька пошла в

сторону зала: касса ждала. Не попрощалась с Андреем, даже взглядом.

До конца смены оставалось двадцать минут. Не желая говорить с Саньком и слушать трёп шумной компании, Андрей развернулся в другую сторону и стал медленно спускаться в «андеграунд».

Он вспомнил о Женьке перед сном – в последние несколько месяцев иначе и не бывало. Ему двадцать пять, пишет дрянные стихи, много пьёт, работает грузчиком в Омске. Впереди чёрная неизвестность, и столько, столько уже времени потеряно! Женька наполняла его существование смыслом, если бы не она – думать перед сном было бы ровным счетом не о чем.

«Ну и зашибись, – зло думал Андрей, ворочаясь в постели, – лучше бы спал зато».

Может быть, когда и лучше, но не в эту ночь: дорожка, литры пива, конечно, Андрей приложился к бутылке и после смены, да не к одной, последняя вот, недопитая, стояла возле кровати, сил на неё уже не было. Вдруг ещё понадобится? Он просыпался часто, спал плохо. «Двадцать пять лет, грузчик в Омске», – думал он ночью, впотьмах отправляясь в сортир.

Стихия бушевала. Андрей в который раз проверил, завёл ли будильник, – завтра ведь смена, поставка, чёрт бы её побрал; два через два – по такому графику вся жизнь и пройдёт. Было холодно и неудобно, скорее хотелось уснуть. Он в последний раз взглянул в окно и увидел там молнию. Дождь стучал по стеклу, словно силась разбить, ворваться в маленькую комнату. Андрей закрыл глаза и улыбнулся. Он снова представил, как прячется под кровать в богом забытом городке, где-то в Республике Татарстан, маленькая девочка Женька, тонкая как струна.

